

ЭМИЛИ РОДДА
Роуэн из Рина



ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ



«АЗБУКА-КЛАССИКА»

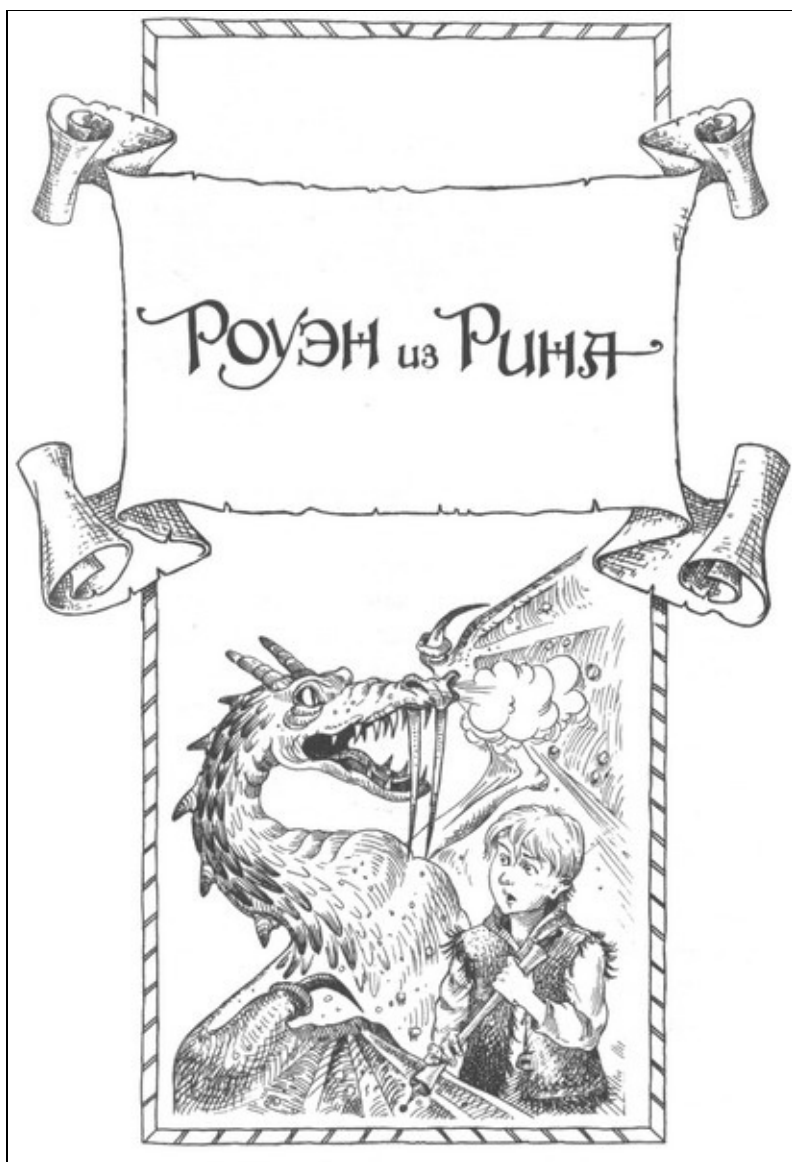
Annotation

Эмили Родда — самая популярная детская писательница Австралии и автор мирового бестселлера «Волшебный пояс Тилоары». Ее роман «Роуэн из Рина» признан в Австралии лучшей книгой года, которую с увлечением читают не только дети, но и их родители.

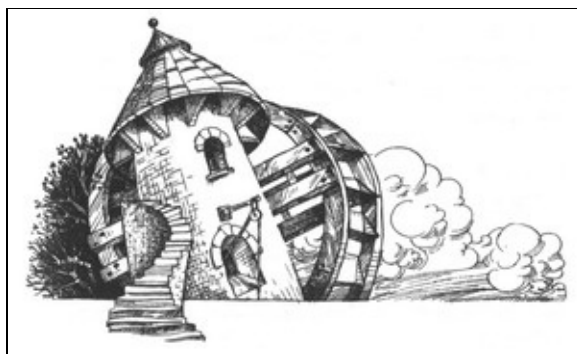
Таинственные предсказания колдуньи Шебы — вот и все, что есть у Роуэна, чтобы спасти свой народ. Трудно доказать людям, что ты чего-то стоишь. Особенно если для всех ты слабак, который боится собственной тени. Но приходит час, и беда сама выбирает героя, который справится с ней: к всеобщему изумлению, только недотепа Роуэну оказываются по плечу все испытания. Чтобы спасти младшую сестренку, родную деревню Рин, свой народ и милое его сердцу стадо букшахов, Роуэн учится побеждать не только врагов, но в первую очередь свои страх и слабость.

- [Эмили Родда](#)
 -
 - [1. Деревенский сход](#)
 - [2. У Шебы](#)
 - [3. Храбрецы](#)
 - [4. Своими глазами](#)
 - [5. На Горе](#)
 - [6. В Лесу](#)
 - [7. Видения](#)
 - [8. «...Веревкой кровь и плоть стянуть»](#)
 - [9. Дальше](#)
 - [10. «...От вечной тьмы к спасенью путь»](#)
 - [11. Западня](#)
 - [12. Самый смелый](#)
 - [13. Ответ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Эмили Родда
«Роуэн из Рина»



1. Деревенский сход



Однажды утром жители деревни Рин проснулись и увидели, что Река, которая спускалась с Горы и, куда-то спеша, бежала через деревню, превратилась в жалкий ручеек. К вечеру он совсем обмелел. Над деревней повисла непривычная тишина — это остановились колеса мельницы: не было воды, которая привела бы в движение их тяжелые лопасти. Букшахи очень любили чистую горную воду, что несла Река в озерцо на краю деревни. Теперь оно перестало быть проточным.

А дня через три ручеек иссяк окончательно. Букшахи все так же приходили сюда по утрам и вечерам и, тяжело мотая головами, рыли копытами землю, но, увы, воды становилось все меньше и меньше.

Через несколько дней озеро так обмелело, что пятилетняя Аннад, сестра Роуэна, доставала до дна, даже не запачкав рукав своего платья.

Воды по-прежнему не было.

К вечеру шестого дня ждать уже стало невозможно, и жители деревни собрались на рыночной площади.

— Сегодня букшахи совсем не пили, — взяла слово Ланн, самая старая жительница Рина, некогда прославленная воительница. — Что будем делать? Не смогут они без воды.

— А как же Звездочка? — шепнула Аннад старшему брату, который пас стадо букшахов. — Она ведь не умрет, да, Роуэн? Пусть пьет из нашего колодца.

— Нет, Аннад, — возразил ей Роуэн. — Букшахам наша колодезная вода не годится. Они же привыкли к горной воде и без нее могут заболеть. Если ее не будет, Звездочка умрет вместе со всеми.

Аннад тихонько заплакала. Все дети в Рине знали, что плакать стыдно, но ведь Аннад была совсем маленькой и очень любила Звездочку. Роуэн твердо смотрел прямо перед собой. Слез в его глазах не было, но сердце разрывалось от боли и страха. Ему было очень жалко Звездочку, самую добрую и сильную из всего стада, да и всех этих могучих, покрытых шерстью великанов, каждого из которых он знал по имени. Ему было страшно и за себя, и за Аннад, и за маму, и за всю деревню.

Роуэн знал то, чего еще не понимала его младшая сестра: букшахи — это густое вкусное молоко, желтый сыр, рассыпчатый творог, жирное масло. Не будет букшахов — не будет и теплой серой шерсти, из которой делают пряжу. Никто не потянет за собой плуг, чтобы вспахать пашню, и некому будет везти с поля урожай. А кто еще сможет одолеть долгую дорогу к Морю, неся на спине тяжелые тюки с товаром, которым жители Рина торгуют с хитроумным и неразговорчивым водяным народом? Вся жизнь деревни зависела от этих животных. Исчезнут букшахи — не станет и людей.

Аннад не могла себе представить время, когда в долине еще не было деревни. А Роуэн мог. Он ведь частенько бывал в Книжном Доме, особом доме-читальне, где хранились все книги, и поэтому хорошо знал старинные легенды. Слушая рассказы Тимона под Школьным Деревом или сидя у Реки, где в утренней тишине вокруг него бродили букшахи, он воображал, что видели люди, первыми поселившиеся в этой долине.

Давным-давно — никто и не помнит когда — они преодолели горный перевал, неся с собой лишь самое необходимое. Много дней и ночей они искали место, где бы им обосноваться. Родина этих людей лежала далеко за Морем. На пути им пришлось сражаться со страшным врагом. Добравшись до берега Реки, они повстречали кочевое племя бродников, и от него узнали, что, если пойти вглубь страны, у подножия Горы есть место, где можно жить. Долгим, очень долгим был их путь туда. Силы идущих были на исходе. Надежда покинула даже отважных.

И вот однажды вечером они поднялись на холм и прямо перед собой увидели зеленую долину. С одной стороны ее надежно укрывал тот самый холм, на котором они стояли, а с другой стороны, точно исполинская башня, высилась Гора.

Люди замерли. Там, внизу, на ветвях деревьев, висели маленькие синие плоды, а в траве цвели цветы, названия которых никто не знал. Шумела горная река, блики солнца играли на озерной глади, мохнатые серые звери с блестящими рогами, задрав головы, смотрели на людей. Кругом расстилались плодородные земли и царили тишина, спокойствие и мир. И люди поняли, что именно здесь должен быть их дом. Они спустились в долину и подошли к большим серым зверям. Те совсем их не испугались. Люди называли зверей букшахами.

— Река течет с Горы, — прервав мысли Роуэна, громко сказала Бронден, женщина, что мастерила столы, полки, скамейки и всякую деревянную утварь для дома. Ее короткий толстый палец указывал на вершину Горы. — Там что-то неладно. Река ведь остановилась не просто так.

Все посмотрели на Гору, над которой всегда парили облака.

— Нужно подняться на Гору и посмотреть, что там случилось, — продолжала Бронден. — Иначе быть беде.

— Ты что? — покачал головой горшечник Нил. — Этого делать нельзя! Даже у бродников духу на это никогда не хватало. Кто его знает, какие там, наверху, страсти? А на самой вершине — Дракон!

Бронден презрительно усмехнулась в ответ:

— Ты как будто сам бродник, Нил! Какой там еще Дракон? Придумали его — детишек пугать, чтоб не баловались! Если бы он там был, мы бы его давно увидели. Он бы, наверное, на букшахов охотился, да и нами вряд ли побрезговал.

— А может, он на букшахов и охотится. Откуда мы знаем, Бронден? — раздался из толпы высокий голос хлебопека Аллуна. — Простите, если я говорю, как неразумный бродник. Вы ведь знаете, мой отец сам из этого племени, так что не удивляйтесь, а лучше вспомните то, что все мы знаем. — Улыбка исчезла с его всегда приветливого лица. — А знаем мы то, что он рычит чуть ли не каждое утро и каждый вечер. А в облаках видны отсветы вырывающегося из его пасти пламени.

Здесь Бронден снова усмехнулась, а Роуэн поежился. Он вспомнил, как часто зимними холодными утрами, когда он выводил на поле стадо букшахов, или вечерами, когда солнце опускалось за Гору и пора было возвращаться домой, он слышал рев Дракона, а в небе виднелись отблески пламени, что изрыгала его пасть. Тогда букшахи начинали беспокойно

мотать головами. Телята жалобно мычали, а те, что постарше, раздували ноздри, точно к чему-то принюхиваясь, и в страхе жались друг к другу. Даже Звездочка пугалась этих страшных звуков, и, когда Роуэн, успокаивая, гладил свою любимицу, на ее шее под мягкой длинной шерстью часто-часто билась жилка.

И вдруг Роуэна осенило. Вот о чем никто не вспомнил! Да-да, об этом обязательно нужно всем сказать! Он поднялся, хотя от волнения у него дрожали колени. Жители деревни удивленно посмотрели на него. Что хочет сказать этот недотепа Роуэн, который только и умеет, что пасти букшахов?

— Дракон не рычал с тех пор, как высохла Река, — сказал мальчик. — Ни утром, ни вечером.

Он старался говорить как можно громче, но его слабый голос прерывался от волнения, и даже в тишине его было едва слышно. Роуэн быстро сел на место.

— Вот как? — Аллун внимательно посмотрел на людей. — Мальчик не ошибается?

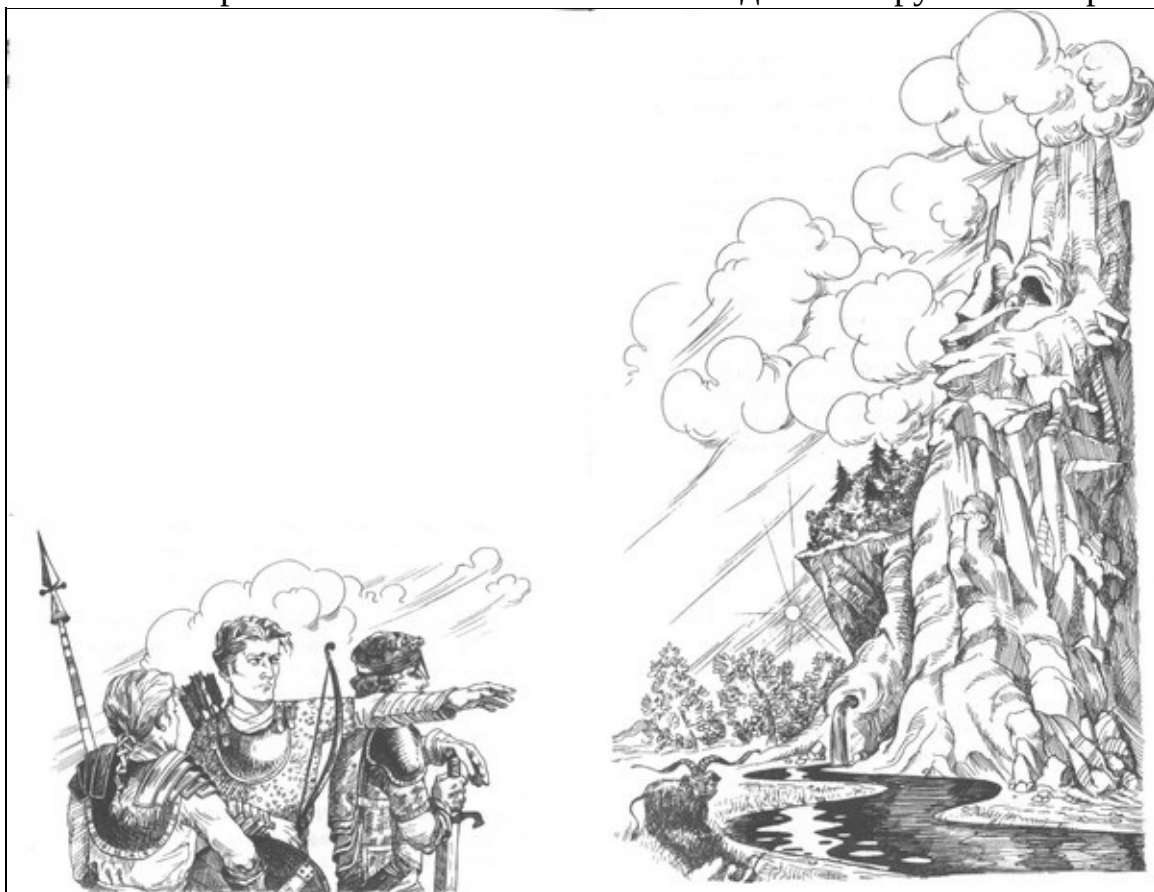
— Нет, — задумчиво сказала Бронден. — Не ошибается... Мы ведь, наверное, уже с неделю ни звука не слышали с Горы. — Она подняла голову и продолжила: — Значит, я права. Там, наверху, что-то неладно. Я же говорю — надо идти.

— Ничего не получится, — испуганно возразил ей Нил. — Гора уж очень крутая. Опасно это.

— А разве кто-то пробовал? — спросил Аллун.

— Было такое! — ответила ему высокая осанистая Марли, что ткала и красила ткани. — Люди поднимались на Гору, когда искали для нашего сада новые растения. Да только никто не вернулся. С тех пор жители Рина туда идти не решаются.

— Слышали? — взорвался Нил. — Все слышали? Идти на Гору — это верная смерть.



— Ну, знаешь, Нил, — возмутилась Бронден, — не идти на Гору — тоже верная смерть.

— Бронден права. Надо что-то делать, — рассудил Силач Джон, садовник. — Или

остаемся здесь и ждем, когда вода снова потечет сама собой, или идем на Гору и расчищаем источник. И сидеть страшно, и идти опасно. Так что будем делать? Пойдем или нет?

— Надо идти, — ответила Марли. — Неужели мы, сложа руки, будем ждать смерти? Идем!

— Да, — громко сказала Бронден.

— Само собой, — поддержал ее Силач Джон.

— И я пойду, — легко согласился Аллун.

— Пошли! — загремела Вэл, до этого молча стоявшая под деревом вместе со своим братом-близнецом Эллисом.

Оба они работали на мельнице: перемальевали зерно на муку и без устали мели огромное каменное здание, чтобы в нем не было ни соринки. Джиллер, мать Роуэна, говорила, что они, Вэл и Эллис, не разлучались с самого рождения.

— Да-да! Пошли! Мы согласны! — один за другим вставали со своих мест жители деревни.

Роуэн смотрел на знакомые лица: они были серьезными, почти суровыми. Хранительница книг Мейз стояла рядом со своими детьми. Тут же были учитель Тимон, огородники Бри и Хана. Опиралась на палку седовласая Ланн. И даже толстяк Солла, который пек и продавал вкусные пирожные и никак не мог удержаться, чтобы не попробовать от каждой порции выпечки, тяжело поднялся на ноги. Роуэн увидел, как с места встала мать. Его сердце колотилось от страха, но он поднялся вслед за ней.

Скоро остались сидеть только горшечник Нил и еще четыре человека.

— Решено! — радостно воскликнула Бронден. — Возьмем с собой все, что нужно, и завтра на заре выступим в путь.

— Подождите! — остановила всех Марли. — Сначала надо с Шебой посоветоваться.

— С кем посоветоваться? С этой старой каргой? Да она давно уже тронулась умом! Ей только детей пугать да больные животы лечить! Без нее мы, что ли, не обойдемся? — возмутилась Бронден.

— Шеба стара годами, но разум у нее светел, — внушительно проговорила Марли. — Это скажет всякий, кого она поставила на ноги. Она ведь знает не только травы и заговоры — она, как никто из нас, чувствует Гору. И потом, Шебе известен путь наверх: Мудрейшая, которая была до нее, давным-давно ей его показала. Отчего же не попросить Шебу? Пусть она нам поможет.

— Твоя правда, — одобрил ее слова Силач Джон.

По толпе пробежал ропот. Не многие доверяли Мудрейшей — Шебе. Она одиноко жила за садом, собирала лечебные травы, продавала снадобья и всякие краски, которые делала сама. Она ни с кем не дружила и разговаривала только с покупателями. Да и с ними, правду сказать, не слишком церемонилась. Деревенские дети были не робкого десятка, но даже они побаивались Шебы и между собой звали ее не Мудрейшей, а Страшнойшей.

— Да ладно! Что она нам сделает? — широко улыбнулся Аллун. — Если она скажет что-нибудь толковое — хотя, конечно, вряд ли, — нам же лучше. А если не скажет, так мы ничего не потеряем.

— Ты рассуждаешь, как неразумный бродник! — перебила его Бронден. — Мы здесь не в игрушки играем, хлебопек Аллун! Почему ты не...

— Хватит! — крикнула старая Ланн, пристально взглянула на хмурую Бронден и сурово добавила: — Вы собираетесь неизвестно куда. Время не ждет. Если можно дойти быстрее,

значит, надо узнать как. Кто имеет дела с Шебой?

— Я, — ответил Силач Джон. — Она часто в саду под деревьями собирает всякие травы.

— А я у нее беру краски, — сказала Марли, — темно-красную и синюю, в обмен на ткань.

— Вот и идите, если вам так сильно этого хочется. Может, она соизволит с вами побеседовать, — недовольно скривилась Бронден и повернулась к ним спиной.

— Мы будем вас ждать, — сказал Аллун. — Одна нога здесь, другая там! Нам еще много чего надо обсудить. — Он рассмеялся. — И смотрите не обижайте ее. Она ведь как Бронден — с ней шутки плохи.

Силач Джон обвел взглядом жителей Рина, которые внимательно смотрели на него, и указал на Роуэна. Это было так неожиданно, что мальчик вскочил с места.

— Эй, Роуэн! — обратился к нему Силач Джон. — Мальчишка-зайчишка! Сгоняй-ка на ледник за парой головок сыру. Да смотри, найди старые, самые зрелые и твердые головки! Достанешь их с верхней полки. Мы возьмем их для Шебы. Она жить не может без хорошего сыра. Перед таким подарком она уж точно не устоит!

Роуэн стоял как вкопанный, даже рот открыл от испуга. Сзади его тихонько подталкивала мама.

— Давайте я схожу, — пропищала рядом с ним Аннад. — Я не боюсь ее.

По толпе прокатился смех.

— Иди, Роуэн, — настойчиво прошептала мама. — Джон ведь не просто так тебя выбрал. Ну иди же!

Роуэн резко развернулся и начал пробираться сквозь толпу.

— Собственной тени боится, бедолага, — услышал он обрывок разговора мельничихи Вэл и ее брата. — Видать, не в отца пошел.

Эллис согласно кивнул в ответ.

Роуэн перешел на бег, щеки его горели от стыда.



2. У Шебы



Запыхавшийся Роуэн добрался наконец до ледника, взобрался по стремянке и достал с полки, где хранились сыры, две самые зрелые головки. Сыра, чанов с нежным белым творогом и коробок с маслом хватило бы на всех. Но ненадолго, и поэтому старые запасы нужно было все время пополнять.

Из ледника мальчик побежал к саду, за которым стоял дом Шебы. Он услышал голоса людей — это означало, что они еще не разошлись с рыночной площади, — и порадовался, что на этот раз ему не придется пробежать мимо них. И вдруг, уже на окраине деревни, ему вспомнились слова Вэл. Пробираясь между деревьев, увертываясь от веток, которые то и дело цеплялись за него, путаясь в пожухлой траве, он вспомнил о Сефтоне, своем отце.

Это случилось сразу после того, как родилась Аннад. В тот день, когда загорелась крыша их дома, Сефтон поздно вернулся домой. Горящее бревно проломило перекрытие и подожгло нижний этаж. Потом запылала лестница, и в комнаты повалил едкий дым. Сефтон громко позвал на помощь и по горящим ступеням ринулся вверх. Он подхватил с постели новорожденную дочку и Джиллер, которая уже была без сознания, и вынес их из огня. Ненасытное пламя разгоралось все жарче и жарче, и Сефтон схватил одеяло, накинул его на голову и снова вбежал в горящий дом — там, на чердаке, спрятался от огня Роуэн. Рассказывали, что его никто не мог остановить, хотя дым и пламя испугали даже бесстрашных. Даже могучих мельников Вэл и Эллиса. Даже Силача Джона, друга Сефтона.

С сыном на руках Сефтон появился в окне чердака, распахнул его и что-то громко крикнул. Роуэн, завернутый в одеяло, от страха орал не своим голосом. Сефтон успел кинуть сына людям, которые стояли внизу, и тут раздался оглушительный треск, крыша рухнула, и в небо взвилось безжалостное пламя. Силач Джон, который поймал Роуэна своими огромными руками, застонал от ужаса: семья Сефтона осталась жива, а сам он не успел вырваться из огня.



С раннего детства Роуэн знал, что отец погиб, спасая его. Он знал и то, что многие считают его недостойным отца, хотя и помалкивают об этом. Работа на ферме и торговля — вот чем занимались теперь жители Рина, а ведь происходили они от великих воинов. Те, что были сейчас стариками, не раз вставали на защиту деревни. Многие еще живо помнили сражения Великой Равнинной войны, а книги, которые рассказывали о ней, бережно хранились в Книжном Доме. Весь Рин очень гордился своими храбрыми предками.

В Рине детей сызмальства учили быстро бегать, ловко карабкаться по горам, высоко прыгать, плавать, как рыбы, и отважно сражаться. Роуэн занимался всем этим вместе со всеми, но никогда не был в числе лучших. Для своих лет он был очень щуплым, да к тому же страшно застенчивым. А с того ужасного вечера он и вовсе замкнулся в себе и всего боялся. Правильно сказала Вэл: не в отца пошел. И даже таким сильным, как мама, ему не быть. После гибели отца она без устали трудилась: запрягала Звездочку в плуг, чтобы ехать на пашню, сажала пшеницу и собирала ее, а зерно отвозила на мельницу.

Роуэну поручили следить за стадом букшахов, потому что из всех деревенских работ эта была самой легкой. Чтобы ухаживать за большими спокойными зверями, не нужны ни сильные руки, ни храброе сердце. Только однажды, давным-давно, случилась беда. Потерялся теленок, упал в старую шахту, девочка пошла его искать и тоже упала в шахту. Шахту после этого, конечно, засыпали. Так что со стадом мог справиться и мальчик гораздо младше Роуэна, но ему разрешили не расставаться с букшахами, и он был очень рад этому.

Букшахи полюбили Роуэна и узнавали его по голосу. Когда мальчику было грустно, их карие глаза приветливо на него смотрели, а носы мягко тыкались в руку, будто животные понимали, что творится у него на душе. Он же как можно лучше ходил за ними, узнавал, как справляться с их болезнями, лечил порезы и ушибы так же, как это делала его мама, и вычесывал из их длинной шерсти колючки. Когда в долине мел снег, он отводил в укрытие самых старых и слабых, чтобы ни один из них не погиб, — для его зверей не было ничего опаснее ледяного ветра. Весной, когда в воздухе разливалось благоухание цветущего сада, он бегал и играл с телятами, угощал их пригоршнями молодого гороха, который тайком собирал на огороде.

Роуэн прислушался. Солнце садилось за Гору, а совсем близко, на соседнем поле, громко сопели и мычали букшахи, будто переговариваясь между собой. Ему очень хотелось быть с ними, а не бежать сломя голову по саду с пахучими сырами под мышкой к ужасной старухе.

Он перелез через садовую ограду и, когда вдали показался неверный свет из окошек дома, где жила Шеба, пошел тише. Несмотря на холодный вечер, дверь в дом была открыта, и на странно бледной траве шевелились и, казалось, ползли прямо к нему огромные тени. С каждым шагом мальчику становилось все страшнее.

От детей Бри и Ханы он знал, что если Шеба захочет, то запросто превратит человека в противного слизняка. Как-то, собирая слизняков с капустных листьев, они рассказали ему их историю: «Это все бывшие люди. Видишь, вот наш дядя Артал. Мы его всегда узнаем — у него родинка такая приметная на лбу. Как-то раз Страшнейшая дала ему лекарство от больного живота. А в мешке помидоров, которые он ей за это принес, один оказался гнилым. Так вот что она с ним сделала: был дядя Артал — стал дядя Слизняк. Правда красивый?»

Они сунули мерзкое создание прямо в лицо Роуэну и, пока мальчик от них убегал, кричали ему вслед обидные слова.

Роуэн знал, что они нарочно его пугали. Нет, правда знал. Но бывало, ему вспоминался этот разговор, когда он ночью лежал в постели или ходил неподалеку от дома Шебы в поисках потерявшегося букшаха. Он воображал себе неповоротливого жирного слизняка с отметиной на лбу и передергивался, до того это было противно.

Осторожно ступая по теням на траве, в темноте он слышал голоса. То были Силач Джон и Марли. Третий голос — негромкий, надтреснутый — принадлежал Шебе.

— Река берет начало на вершине Горы, за облаками. По подземным камням она течет в Рин. Так что, друзья мои, вам надо забраться на Гору, на самый верх. А кто туда знает тайную тропу? Только Шеба!

И она ехидно рассмеялась.

Роуэн раздумывал, не лучше ли просто положить сыр на ступеньку и дунуть домой. Но тут у него под башмаком хрустнула ветка.

В двери показалась голова Силача Джона.

— Ну наконец! — Он протянул руку и втащил Роуэна в дом. — Вот сыр... Это наш подарок тебе, Шеба, — сказал он почтительно. — За то, что ты укажешь нам дорогу.

Сидя у огня, старуха потянула носом и жадно причмокнула губами.



— Сыр, говоришь? — злорадно произнесла она, потом нахмурилась, и ее глаза сузились. — Ну так неси его сюда. Да не бойся ты! — прикрикнула она на мальчика.

Роуэн застыл на месте. Марли чуть подтолкнула его сзади. Ноги у него сделались точно ватные, и каждый шаг давался с великим трудом.

— Что там у тебя? — повысила голос Шеба, приподнимаясь в своем кресле. — Говорю, не бойся! Иди сюда и клади свой хваленый сыр мне на колени. Откуда я знаю, что ты мне хочешь подсунуть? Каждый так и норовит обмануть...

— Мы тебе самый хороший сыр принесли, Шеба, — миролюбиво сказала Марли. — Роуэн сам его выбирал. Он взял его с верхней полки. Вот увидишь, тебе понравится.

— Знаю я вас, — все так же недоверчиво буркнула Шеба.

Она нагнулась вперед и уставилась прямо на Роуэна. В свете пламени ее глаза казались красными. Седые пряди надо лбом перехватывала красная тряпка. От старухи несло холодным пеплом, пылью, запахом старой одежды и горьких трав. Роуэн робко подошел к креслу, в котором сидела Шеба, положил желтые головки сыра ей на колени и поспешно отступил назад, стараясь не дышать и не смотреть на нее.

Но Шеба не обращала на него никакого внимания. Костлявыми пальцами она взяла одну головку за другой и обнюхала их. Роуэн дрожал, спрятавшись от старухи за высокой и статной Марли. А вдруг он взял не те сыры? А вдруг они ей не понравятся? А вдруг Шебе взбредет в голову, что он решил ее обмануть?

Старуха подняла голову.

— Хороши, — довольно произнесла она. — Ты правду сказал, садовник Джон.

— Само собой, — поклонился ей Силач Джон.

— Ну что, Шеба, — вступила в разговор Марли, — теперь ты скажешь нам то, за чем

мы пришли?

— Ишь, какая смелая выискалась! — съязвила колдунья.

Она вынула из корзины сухие ветки и бросила их в огонь. Пламя вспыхнуло ярче. Старуха повернулась к нему спиной, а на ее лице заплясали тени.

— Чего ж о славе не помечтать, когда дома за станком сидишь? А на Гору-то идти — кишка тонка будет. Ничего, Гора быстро усмиряет таких, как ты. Много там троп... очень много... да сами увидите.

Роуэн почувствовал, как сильно это задело Марли, и увидел, что щеки ее стали пунцовыми. Ровным голосом она ответила:

— Не пугай нас, Шеба.

— Садовник Джон! Ты вышел и лицом, и нравом! — пропустив эти слова мимо ушей, гнула свое старуха. — Теперь ты просишь меня помочь. А помнишь, как в рваной рубашонке бегал босиком да ревел от страха всякий раз, когда я проходила мимо? — Злая улыбка обнажила ее длинные желтые зубы. — Гора не будет проверять твою силу, Джон, — она тебя уничтожит. Похрабрее людей обламывала. Сожмет — и как ты ни выкручивайся, а не вырвешься. Да и сама она тебя не отпустит.

Повисла тишина. От ужаса Роуэн окаменел.

И тут Силач Джон, расхохотавшись и встав руки в боки, твердо сказал Шебе:

— Брось свои сказки! Ты кого на испуг берешь — меня или Марли? Разве что Роуэн испугается. Не думай, мы-то не дураки. Но посмотри на бедного мальчишку-зайчишку — ни жив ни мертв. А он такой тебе сыр принес! И не совестно тебе?

Шеба все улыбалась, но глаза ее налились кровью.

— Смейся-смейся, садовник Джон, — сказала она. — Да знай: раз мальчишка боится, значит, он самый умный. Поэтому он вас и поведет! — Протянув руку к корзине, она ухмыльнулась: — И впрямь извинюсь-ка я перед ним, пожалуй!

Она выхватила из корзины палку и неожиданно кинула ее в Марли. Та с испуганным криком отшатнулась, точно увидела змею, и палка угодила прямо в Роуэна.

Роуэн отскочил и чуть не упал. Он крепко схватил палку, а из ссадины на лбу показалась кровь. Силач Джон гневно вскрикнул и, сжав кулаки, шагнул вперед.

— От меня подарочек, — недобро буркнула старуха. — Прости великодушно, пастушок Роуэн.

— Шеба, это уж слишком! — оглушительно крикнул Силач Джон.

Ее губы недовольно скривились, и она ответила:

— Да что ты? Ладно, тогда, пожалуй, распрощаемся.

— Сначала мы узнаем то, за чем пришли, — настойчиво произнесла Марли. Она бросила взгляд на Роуэна и добавила: — Быстрее! У мальчика рана, ее надо обработать!

— Скажешь тоже, рана, — невозмутимо ответила Шеба. — Ну ладно, я устала. Надоели вы мне со своей глупостью. Слушайте то, что вам надо знать. Только помолчите и не мешайте мне думать.

Она откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Рука ее поглаживала головку сыра, как будто у нее на коленях сидела кошка. Огонь горел уже не так ярко. Старуха начала что-то бубнить, сначала невнятно, а потом они разобрали:

Семь сердец в дорогу идут,
Семь смертей их стерегут.

Когда надежде придет конец,
Одно из семи уцелеет сердец.
И лишь храбрейший дальше пойдет,
Когда поймет, что, уснув, — умрет.
Разинет страх зубастую пасть,
Тебе же нужно пред ним не пасть:
Преодолевшему смертную тень
Ответ будет ясен, как светлый день.
Потом о доме родном забудь,
И только тогда завершишь свой путь.^[1]

Веки у Шебы дрогнули, глаза открылись. Словно очнувшись от сна, она бессмысленно посмотрела на Силача Джона, Марли и Роуэна, но ее взгляд быстро прояснился. Сейчас она вовсе не была похожа на колдунью. Перед ними сидела усталая старая женщина.

— Идите отсюда, — произнесла она. — Ничего больше вам не скажу.

— А тропа, Шеба? Как же мы пойдём? — спросила Марли. — Ты ведь нам так ничего и не сказала!

— Как — не сказала? Ладно, там видно будет... Может, все еще поменяется. А сейчас оставьте меня — мне надо отдохнуть.

Шеба замолчала, и голова ее упала на грудь. Они немного подождали и услышали тихий храп.

— Заснула, — прошептал Роуэн.

— Или притворяется, — недоверчиво проговорил Силач Джон. — Больше нам здесь делать нечего. Возвращаемся домой. Нас там уже заждались.

Они вышли из дома и поспешили в деревню.

— Идем-то мы ни с чем! — разочарованно сказала Марли. — И ты, Роуэн, лоб рассек. Ну как же так получилось, что я увернулась, а тебе попало? Я не хотела, честное слово.

— Это старая карга нарочно, — хмуро сказал Силач Джон. — За то, что я пристыдил ее. Это я виноват.

Роуэн спешил вслед за взрослыми. Ему было нехорошо: кружилась и болела голова — может, от ссадины на лбу, а может, от того жуткого страха, который нагнала на него Шеба. Снова и снова мальчику приходили на ум ее зловещие предупреждения, а в голове без конца крутился однообразный напев пророчества. Опять и опять он вспоминал:

Семь сердец в дорогу идут,
Семь смертей их стерегут.

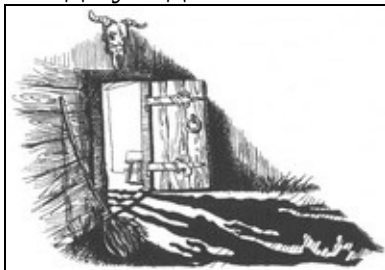
Не замечая того, он тихонько твердил эти слова и, сжав в руке палку, в такт им легонько постукивал себя по ноге:

Когда надежде придет конец,
Одно из семи уцелеет сердец.
И лишь храбрейший дальше пойдет,
Когда поймет, что, уснув, — умрет.

— Перестань, Роуэн, — раздраженно сказал ему Силач Джон. — Видишь огни? Скоро домой придешь, к маме.

Он переглянулся с Марли и негромко добавил:

— Что только она мне скажет, когда увидит тебя...



3. Храбрецы



Увидев ссадину на лбу сына, Джиллер лишь улыбнулась, сказав: «Ничего, до свадьбы заживет», и добавила, что промоет ее дома, ведь рано или поздно нужно учиться терпеть боль. Роуэн понял, что сказано это было не только для Силача Джона и Марли, но и для него. Мама напомнила ему, что он должен быть храбрым и не ныть, как и положено жителю Рина.

Роуэн знал: Джиллер расстраивается, что он такой слабый и пугливый. Месяц, а может, два назад он случайно услышал, как во дворе она разговаривалась с Силачом Джоном. Джиллер жаловалась, что у нее никакого терпения не хватает, что Роуэн совсем не похож ни на отца, ни на нее саму, ни даже на маленькую упрямую Аннад и что ей порой приходится несладко. Она не понимает сына. Вот если бы был жив отец...

Роуэн тогда тихо прокрался мимо них и поднялся наверх, в комнату, где они жили с Аннад. Он лег в постель и долго не засыпал, ни о чем таком особенном ему не думалось, но на душе было очень горько.

А теперь он стоял рядом с мамой. Голова горела, перед глазами плавали какие-то круги, и ему очень хотелось, расплакавшись, покрепче прижаться к ней. Но сделать этого он не мог — это был бы страшный позор.

— Говорила ведь вам — зря идете! — сказала Бронден то ли с горечью, то ли с торжеством. — Ну подарили ей самый лучший сыр, а что толку?

— А то, — ответил Силач Джон. — Решили сходить — и сходили. Теперь надо придумать что-то другое. Ведь все не могут подняться на Гору. Тогда кто пойдет?

— Я, — с готовностью отозвалась Бронден и сурово оглядела всех остальных, как бы они не посмели сказать слово против.

— Да, — сказал Силач Джон. — Что там говорить, ты и хочешь, и не пугаешься — в общем, имеешь полное право. Никто, наверное, не сомневается, что и я такой же. Я тоже пойду.

В этот миг сердце Роуэна как будто кольнула льдинка. Он вспомнил: «Гора не будет проверять твою силу, Джон. Она тебя уничтожит».

— Не надо! — выдохнул он.

Мама лишь сильнее сжала его руку.

— Я тоже, — решительно сказала Марли, глядя на Бронден.

Вэл и Эллис о чем-то тихо поговорили, и Эллис, как обычно, загремел:

— Мельница стоит — значит, делать нам пока нечего. Так что мы пойдем с вами. Лучше так, чем сидеть сложа руки.

— Зачем сидеть? Пока есть время, привели бы мельницу в порядок, — поддел их Аллун.

Вэл даже не удостоила его ответом, и все, кто слышал эти слова, весело переглянулись. В деревне знали, что Вэл и Эллис не любили шутников, которые посмеивались над их беспокойным хозяйством.

— Да вы с ума сошли! — крикнул горшечник Нил, не в силах больше молчать. — Тоже нашли время развлекаться! Бронден, Джон, Марли, Вэл, Эллис — да они же самые лучшие из нас и отправляются неизвестно куда! А вы подумали, как мы будем жить, если они, самые смелые, не вернутся назад? Что, если зибакки снова на нас нападут? Да мало ли что еще может случиться!

— Уже случилось, Нил, — возразила старая Ланн. — Уже случилось. Такой страсти мы еще не видывали. Чтобы всех спасти, нужно пойти неизвестно куда. И сделать это должны самые сильные. — Она обернулась к Силачу Джону. — Думается, пятеро — это мало для такого дела. Тебе надо еще кого-нибудь взять с собой.

Аллун выступил вперед.

— Согласен. Я пойду с вами, и нас будет шестеро. — Заметив, что Бронден уже открыла рот, чтобы возразить, он быстро продолжил: — Да знаю, Бронден, знаю — я только наполовину родом из местных, и твоя сила не чета моей. Но и я ведь не совсем слабак. Мне кажется, я все умею, что может пригодиться в пути. Да и еще кое-что — не зря в моих жилах течет кровь отцовского племени. Голова у меня холодная — раз. Огонь умею разводить — два. Шутки шутить и песни петь — три. Да и потом, что делать бедолаге пекарю, когда ни муки не будет, ни мельников?

— Огород мне копать, Аллун, — высоким голосом ответила его мать Сара.

По рядам пробежал смех. Сара улыбнулась. Но только Роуэну и Аллуну было видно, как в волнении ее руки комкают белую ткань передника и на глазах ее выступают слезы — не от радости, а от печали. Ей было уже много лет, и, конечно же, она знала, что люди исстари рассказывали о Горе, и боялась ее тайной силы. Кроме Аллуна, детей у нее не было.

Но Сара была истинной дочерью Рина и умела скрывать свои чувства. Лишь однажды, много лет назад, она дала себе волю, когда полюбила бродника по имени Форли, будущего отца Аллуна. Однажды осенью этот веселый кареглазый певец со своим племенем пришел в ее деревню. Роуэн слышал об этом не раз, хотя его родители были тогда совсем маленькими, а его самого, понятно, и на свете-то не было. Каждый раз, когда бродники разбивали свой лагерь на окраине деревни, люди вспоминали это происшествие.

Роуэн воображал, как, наверное, были изумлены жители Рина, когда узнали, что тихая деревенская учительница Сара решила уйти из деревни, чтобы стать женой бродника. Многие испугались и начали ее отговаривать. Но она никого не послушала и ушла с этим племенем, оставив уют и покой родного дома ради кочевой жизни с любимым человеком.

Через несколько лет, когда бродники снова пришли в эти края, Сару снова увидели в деревне. Рядом с ней топал маленький щекастый Аллун, и было видно, как она счастлива. Нашлись все же люди, которые, качая головами, уверяли, что улыбка скоро сойдет с ее лица. И они оказались правы, хоть беда пришла не оттуда, откуда ее ждали.

Как раз тогда начались долгие пять лет Великой Равнинной войны. Жители Рина, водяной народ и бродники объединились, чтобы вместе одолеть захватчика, что грозил им из-за Моря, — племя зibaков, своего старинного врага. И им удалось прогнать его со своей земли, но в суровой битве погибло много храбрых воинов. Среди них был и муж Сары.

После войны Сара с маленьким сыном вернулась в деревню. Без мужа кочевая жизнь стала для нее трудна, и ей захотелось вернуться к родным и поселиться в доме, где она

когда-то жила. Для Аллуна же домом были яркие шатры бродников. Для него привычнее был запах дыма ночных костров, широкие равнины, леса, извилистые дороги, которые все куда-то бегут и бегут.

Тонкий в кости, темноглазый, кудрявый, Аллун был копией своего отца и совсем не походил на крупных и крепких детей из Рина. Вместе со сверстниками — Бронден, Джиллер, Вэл, Эллисом — под Школьным Деревом он постигал разные премудрости и держался очень независимо, улыбаясь в ответ на бесцеремонные разглядывания, толчки или шепоток за спиной. Когда занятий не было, он очень старался стать таким же, как все, но скоро понял, что по силе никогда не сравнится с другими, но зато у него есть гораздо более мощное оружие — острый ум.

Роуэну часто казалось, что из всей деревни только Аллун его и понимает — он тоже был не больно крепким и тоже ни на кого не походил. Вообще-то Аллун никогда об этом не говорил. Но когда он вместе с Марли и Силачом Джоном бывал у них дома, то всегда шутил с Роуэном, спрашивал, как у него дела, и не ругал за ошибки.



И вот Аллун готов к восхождению. Ему снова надо доказывать, что он по праву называется жителем Рина. Похоже, Силач Джон и Марли были очень довольны, что Аллун пойдет вместе с ними, а Бронден хотя и посматривала на Вэл и Эллиса, явно не желая, чтобы к ним добавился кто-то еще, все же никак не могла найти предлога отказать Аллуну. Веселый, неунывающий хлебопек был готов вместе со всеми бесстрашно пробираться по лесам, что росли на вершинах утесов. И тут Роуэн снова вспомнил ухмылку на лице Шебы.

— Что ж, иди, раз надо! Сорная трава может и подождать, — сказала старая Сара, улыбаясь и в притворном отчаянии всплескивая руками. В ее глазах стояли слезы.

— Спасибо, мама, — радостно ответил Аллун. И хотя сказал он это легко, все расслышали в его словах горячую любовь и уважение.

— Ну ладно вам, — торопливо сказал Силач Джон, как всегда стесняясь открыто выражать свои чувства. — Давайте-ка разойдемся по домам и начнем собираться в путь. Нам всем нужно хорошенько выспаться, ведь вставать-то предстоит до зари. Согласны?

Все одобрительно закивали и стали не спеша расходиться по домам, желая друг другу

спокойной ночи. Кто-то успокоился — наконец люди придумали, как справиться с той страшной бедой, что пришла так неожиданно и нарушила спокойное течение деревенской жизни. Кто-то приятно разволновался и даже по-хорошему позавидовал тем, кому выпало такое захватывающе интересное приключение. Но у многих, как у горшечника Нила, на сердце лежал камень, потому что самые лучшие и самые храбрые люди Рина уходили в опасную неизвестность, чтобы спасти всех остальных, и могли никогда не вернуться.

Устав от всех волнений, Аннад заснула, а Роуэн, лежа в своей постели, все смотрел в окно на громадную Гору. Луна светила очень ярко, однако таинственные утесы на фоне ночного неба чернели как-то особенно грозно. Джиллер промыла сыну ссадину на лбу, а она все болела, и никак не забывались насмешливые угрозы Шебы.

Чего он только не делал, чтобы отвлечься от этих навязчивых мыслей! Он думал о Звездочке, о том, что совсем скоро в стаде появится новорожденный теленок, что очень вкусно пить холодный свежееотжатый сок плодов садовых деревьев. Почему-то вспомнилось, как, когда он был совсем маленьким, радостная Джиллер пела ему песенку. Но всякий раз, только он собирался заснуть, как мухи, налетали черные мысли и от страха даже не закрывались глаза.

Все же под утро он задремал, но даже в этом коротком сне его мучили кошмары. Казалось, он снова был в доме Шебы и видел его каменные, покрытые слизью стены. А Шеба снилась ему огромной и длинноносой. Она противно ухмылялась, ее глаза наливались кровью, а с головы, точно крысиные хвосты, свисали пряди сальных седых волос. Мама и Силач Джон стояли где-то рядом с Роуэном, но ничем не могли ему помочь: Страшнейшая склонялась над ним все ниже и ниже, лицо ее приблизилось так, что заслонило все вокруг, и зловонное дыхание ударило прямо в нос. «Если боишься только ты, мальчишка-зайчишка, значит, из них ты самый умный», — прохрипела она и открыла рот, чтобы расхохотаться. На месте языка ворочалось что-то желтое и мягкое, как тот сыр, что он принес ей в подарок.



4. Своими глазами



Роуэн проснулся в холодном поту, дрожа и задыхаясь от страха. Он никак не мог понять, сколько сейчас времени. Казалось, сон длился много часов, хотя на самом деле, наверное, пролетело всего несколько мгновений. Аннад спокойно посапывала, приоткрыв рот и прижавшись щекой к игрушке, сшитой из меха букшаха. Ей, конечно, снилось что-то хорошее. А Роуэн боялся снова заснуть. Он откинул одеяло и встал. Было очень холодно. В окно дул ледяной ветер, а его ночная рубашка промокла от пота насквозь. Он снял ее и быстро натянул на себя одежду, которую накануне вечером аккуратно сложил стопкой рядом с кроватью.

Под стопкой лежала палка, которой запустила в него Шеба. Он даже не заметил, как принес ее домой. Мальчик провел по ней ладонью. Палка была что надо: прямая, толстая, гладкая, точно отполированная, только с маленьким сучком в самой середине. «Наверное, им она и угодила мне в лоб», — подумал Роуэн и потрогал сучок пальцем. Тот оказался твердым и острым.

И вдруг под пальцем что-то шевельнулось! Роуэн почувствовал, как сучок дрогнул, а палка начала набухать!

Мальчик смотрел, как палка «разматывается», словно рулон тонкой ткани. Он потянул за нее, удивляясь, что бы это такое было. И вдруг понял, что это вовсе не палка, а туго скрученный свиток из тонкого пергамента. Сучок же тем временем превратился в замочек.

Взглянув на Аннад, Роуэн зажег лампу. Она все равно не проснется, а ему надо понять, что же он держит в руках. Даже в утреннем полумраке Роуэн различил на свитке изображение Горы. Там были еще какие-то непонятные белые квадраты и прерывистая красная линия. Это все обязательно надо получше рассмотреть.

Он растянул свиток на деревянном полу, поставил по углам башмаки, придвинул лампу и начал вглядываться.

Это была карта Горы. Красная линия обозначала тропу. Роуэн чуть не вскрикнул, но успел прикрыть рукой рот. Шеба их всех обвела вокруг пальца. Она притворилась, что не будет им помогать, потому что уже знала: то, что Роуэн унесет с собой, и будет самое нужное. Мудрейшая знала, что, может, никто даже не догадается, что она им дала. Сейчас ей, наверное, смешно, как будет досадовать Силач Джон и расстраиваться Марли!

Мальчик туго скрутил карту и застегнул замочек. Потом он обулся и немного постоял посреди комнаты, не в силах отвлечься от своих мыслей.

— Роуэн, что случилось?

Резко обернувшись, он увидел в дверном проеме мамино удивленное лицо. Роуэн стоял,

хлопая глазами и ничего не понимая, точно со сна. Мама, как и он, была одета, словно собиралась куда-то идти.

— Я... — попытался объяснить он, все еще сжимая в руке свиток. — Мне приснилось...

— Ах, Роуэн! — недовольно сказала Джиллер. — Опять эти страхи! Что же мне делать с тобой, сынок? — Роуэну показалось, что у мамы задрожали губы, но она продолжила: — А утром... — Закрыв лицо руками, она немного постояла и, успокоившись, сказала: — Если хочешь попрощаться с теми, кто пойдет на Гору, поторопись. Они уходят на заре. Положи свою палку и собери одежду для Аннад. Я разбужу ее. — И она подошла к кровати дочери.

— Мамочка, — волнуясь и совсем по-детски позвал ее Роуэн.

Он увидел, как мамины брови сошлись в одну линию, и услышал, как она вздохнула, — наверное, рассердилась.

— Мама, — повторил он так громко, что Аннад заворочалась и сама начала просыпаться. — Знаешь, мама, что у меня есть? Карта... Ну, карта Горы!

* * *

— У него есть карта Горы, — сказала Джиллер Силачу Джону, стараясь не обращать внимания на сердитые выкрики в толпе.

Капюшон упал с ее волос на плечи, щеки от волнения покраснелись. Роуэну она казалась настоящей красавицей. И наверное, Силачу Джону тоже, потому что он не отрываясь смотрел на нее.



— Так неси ее скорее сюда! — потребовала Бронден, притоптывая своими тяжелыми башмаками, потому что утро было свежее. — Что-то не верится! С чего бы это старуха выкинула такой фортель? Вы уверены, что мальчишка не морочит нам голову?

— Ясное дело, нет! — резко ответила Джиллер, взяв у Роуэна карту и передавая ее Бронден. — На, смотри!

Бронден развернула свиток. В утреннем воздухе от ее дыхания клубился пар. Вдруг она сердито сдвинула брови и показала карту Силачу Джону и Марли.

— Ну и что там? — сгорая от любопытства, поинтересовался Аллун у стоявших рядом Роуэна и Джиллер. — Что? Что такое нашел мальчик?

Силач Джон поднял свиток над головой, чтобы его увидели все. Пергамент был чист.

— Да ведь... — чуть не разревелся Роуэн, — да ведь я же видел! Карту Горы видел, и слова, и стрелки... И тропинку красную — она уходила за облако, а потом еще выше... Я правда все это видел!

Бронден презрительно фыркнула и быстро повернулась к чистому пергаменту, который Силач Джон все еще держал в руках.

— Не увидишь — не поверишь, — сказала она как бы в сторону. — Маленькие мальчики должны запомнить раз и навсегда: нехорошо шутить над старшими, чтобы привлечь к себе их внимание.

— Может, тебе это все приснилось, а? — спросил Аллун, положив руку Роуэну на плечо. — Наелся с вечера сыра, вот и... Со мной тоже такое бывает. Как будто не спишь, а видишь...

— Я тоже видела, Аллун, — перебила его Джиллер и хмуро посмотрела на свиток, точно не веря своим глазам. — Роуэн показал мне карту. Что, по-твоему, я тоже шутки шучу, Бронден?

Повисла неловкая тишина. Силач Джон в задумчивости передал свиток Роуэну.

— Я верю, что и Джиллер, и Роуэн видели карту, — сказал он, — но сейчас она куда-то исчезла. Наверное, Шеба задумала сначала дать нам надежду, а потом разбить ее вдребезги.

Джиллер благодарно улыбнулась в ответ.

— Похоже на нее, — согласилась Марли. — Она... Ой!

У нее открылся рот, и она показала на Роуэна:

— Смотрите-ка!

Оттого что вся деревня уставилась на него, он смутился и покраснел до ушей. Люди удивленно вскрикивали. Но что же случилось? Что он опять натворил? Проследив направление их взглядов, Роуэн понял, что смотрят они не на него, а на свиток. Он тоже опустил глаза, и неловкость сразу же уступила место радости. На пергаменте вновь появилась карта! Рисунки, слова и наконец красная линия тропинки, что вилась вверх по Горе!

Силач Джон протянул руку и сказал:

— Дай сюда, Роуэн.

С облегчением Роуэн передал свиток Силачу Джону. Он развернул его. Сначала послышался гул взволнованных голосов, а потом общий вздох разочарования. Прямо на глазах людей линии рисунка начали исчезать, и вскоре свиток стал совершенно чистым. Силач Джон пустил его по рукам. Люди смотрели на него и лишь удивленно покачивали головами.

— Нечисто здесь что-то! — воскликнул Нил и побыстрее передал свиток Силачу Джону, будто боялся, что тот отравлен. — Шеба над нами просто издевается.

— Да, похоже на то, — задумчиво произнес Силач Джон. — Нехорошую игру она ведет. — Он взглянул на Марли и добавил: — Видать, рассердилась из-за того, что я спорил с ней.

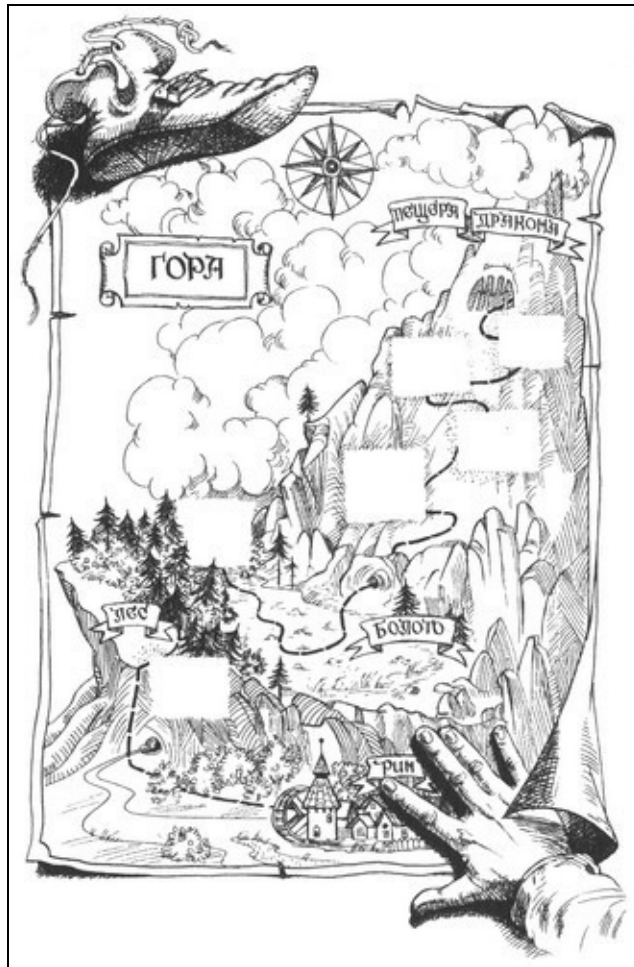
Он отдал свиток Роуэну и пораженно замер: на нем снова появлялись рисунки, знаки и буквы — сначала неясные, а потом вполне четкие.

— Да что же это? — вскрикнула Джиллер, сжав рукой плечо сына.

Силач Джон ответил, помедлив:

— Я же говорю, вчера она рассердилась на какие-то мои слова и сказала про Роуэна:

«Он вас и поведет!» Вот она и сделала так, что карта видна, только когда Роуэн держит в своих руках свиток.



— И правда! — согласилась Марли. — Она ведь бросила свиток прямо в него. Не просто так, а чтобы он раскрыл ее секрет. И потом — она предвидела, что все мы увидим карту Роуэна. Значит... — Она немного помолчала. — Значит, Шеба хочет, чтобы мальчик пошел на Гору вместе с нами.

— Не пушу! — не сдержавшись, крикнула Джиллер, но потом, стараясь говорить спокойно, сказала: — То есть... Роуэн еще маленький. Совсем маленький — что с него толку там, на Горе? А здесь ведь у него букшахи. Нет, он никак не может с вами пойти.

— Конечно не может! — поддержал ее учитель Тимон, протискиваясь сквозь толпу. — Я, кажется, придумал, что делать. Роуэн развернет карту и подержит ее, а я быстро все срисую на большой лист. — Он развел руки в стороны, показывая, как надо держать карту. — Вот так... Может, он с часок постоит и сильно устанет, но дело того стоит. А потом Роуэн спокойненько пойдет домой и ляжет спать, а вы, бедолаги, отправитесь на свою «приятную» горную прогулку.

— Да! — воскликнула Марли. — Обратим оружие Шебы против нее самой. Она забыла — мы не букшахи, нас не проведешь.

Но Шеба была далеко не так глупа. Как Тимон ни старался, он не смог сделать копию карты. Он чертил и чертил, пробовал разные карандаши, но они скользили по бумаге, словно ее смазали маслом, хотя, если он принимался рисовать что-нибудь другое, все отлично получалось. Полчаса он бился над картой, и все напрасно. В конце концов он сдался, с недовольным возгласом отбросил карандаш и присел на корточки над исчерканным листом.

— Хватит! — сказал Силач Джон. — Обходились же мы до этого без карты, и сейчас

как-нибудь справимся. — Он благодарно кивнул Роуэну, стараясь не смотреть в глаза Джиллер. — Спасибо тебе. Мы увидели рисунок, который указывает путь. Мы его запомнили и надеемся, что он нам поможет. Так что идите-ка вы с мамой домой.

— Какая глупость! — резко возразила Бронден. — С картой идти проще и безопаснее. Мы должны ее взять с собой. А если карту и мальчика нельзя разделить друг от друга, хотя и непонятно почему, мальчика надо взять с собой. С букшахами кто угодно может остаться. Подумаешь, большое дело.

— Мы согласны, — сказала Вэл за себя и брата. — От этого зависит жизнь всей деревни. Малодушничать сейчас не время.

— Мальчик не пойдет, — упрямо сказал Силач Джон. — Слишком это опасно, а он еще очень мал.

— А может, это его мать очень красива, а, Джон? — проницательно заметила Бронден. — Похоже, у тебя ум с сердцем не в ладу.

Силач Джон побагровел. Роуэн почувствовал, как сильно Джиллер стиснула его руку, и увидел, что на ее щеках тоже пылают два алых пятна.

— Мама, что это с Джоном? — шепотом спросила Аннад, дергая ее за юбку. — Почему он такой красный?

Джиллер ничего не ответила. Роуэн смотрел на лица в толпе, и мало-помалу ему открывалась суровая правда. В деревне есть и другие дети его возраста. Если бы это случилось с кем-то из них, никто бы и слова не сказал. Силач Джон, Тимон, родители, да и вообще все вокруг считали бы, что этот кто-то не только хочет — он должен пойти.

Это событие стало бы самым увлекательным приключением в его жизни. Он доказал бы всем, что ничего не боится.

Все это случилось с Роуэном потому, что он мал и слаб, и Силач Джон ясно дал это понять. Потому — теперь он это осознал, — что Силач Джон любит его маму и хочет сделать все, чтобы ей не было больно и стыдно за сына.

Роуэн дрожал как осиновый лист. Опять вспомнились слова Шебы: «Гора не будет проверять твою силу, Джон. Она тебя уничтожит». Зачем, ну зачем она так поступила? Если Гора способна уничтожить даже Силача Джона, который ничего не боится, что же тогда она сделает с пастушком Роуэном, который пугается даже колесного скрипа?

Страх, одиночество и стыд переполняли Роуэна. Все мрачно смотрели на него, и это было невыносимо. Наверное, люди думали одно и то же: «Почему он? Ну почему именно этот самый бестолковый мальчишка? Что за насмешка — сделать его нашим спасителем, ведь он скорее всего принесет всем только гибель».

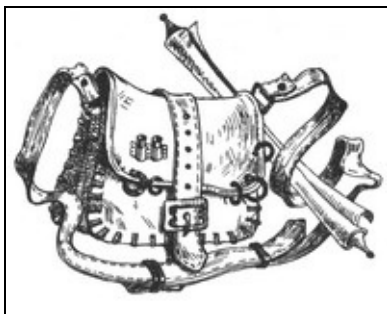
Роуэн было обернулся к маме, чтобы спрятать лицо в ее юбке, но тут ему представилось, как он стоит на лугу, теплая мягкая морда Звездочки наклоняется к его протянутой ладони, а кругом стоят другие букшахи, такие большие, спокойные и доверчивые.

Он никогда не подводил букшахов. Он всегда был с ними — и ранним морозным утром, и в жаркий полдень, и когда они болели, и когда в стаде ожидалось прибавление, и когда страшно рычал Дракон.

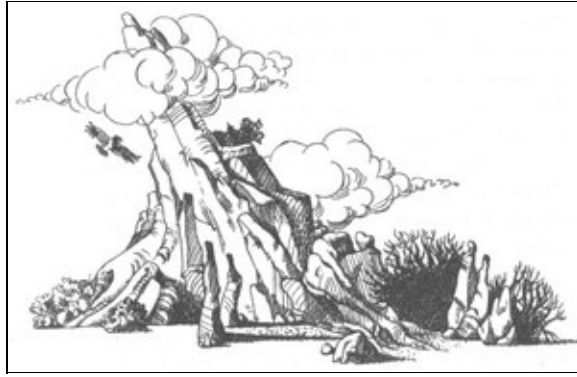
А теперь им нужна вода. И он никак не мог оставить их в беде. Для них он вовсе не был трусливым слабаком: он был другом, наставником и вожатым. Они доверяли ему во всем. И от этой мысли внутри у него, точно парное молоко, разлилось приятное тепло.

Роуэн поднял голову и смело поглядел на Силача Джона.

— Я иду, — сказал мальчик. Карту в его руках тихо покачивал легкий утренний ветерок.
Он повторил: — Я иду на Гору вместе с вами.



5. На Горе



Уже много часов путники шли по высохшему руслу Реки. Рин остался далеко позади. Оборачиваясь, Роуэн уже не видел самого высокого строения в деревне — мельницы, потому что ее скрывали деревья.

Впереди высилась отвесная скала. Путники рассчитывали, что часа через два они подойдут к ней. По карте подъем начинался в том месте, где подземный поток выходил на поверхность и становился рекой. Там они собирались передохнуть и хорошенько изучить карту, чтобы идти дальше.

Роуэн уже выбился из сил. Мешок валуном давил ему на плечи, болели спина и ноги. Но он знал, что надо идти вперед и не ныть. Все старались как-то ему помочь, но он видел, что, например, Бронден и Вэл злятся из-за их медленного движения. По Эллису трудно было что-либо понять — он всегда мало говорил. Даже когда они проходили мимо мельницы, большое деревянное колесо которой успокоилось, потому что не было воды, он и то ничего не сказал. Только взглянул на мельницу, отвернулся и стал смотреть на Гору.

А сейчас Эллис широко шагал впереди всех и легко нес свою поклажу и еще тяжелый канат, небольшой топорик и связку факелов. Его сестра шла рядом, не отставая.

Чудная они были пара, неразговорчивая. Как-то раз Роуэн услышал, как его мама сказала Силачу Джону, что они живут, точно в независимом государстве из двух человек. Они походили на камни, из которых была сложена мельница, — такие же кряжистые и тяжелые. Брат и сестра были ровесниками Джиллер, и Роуэн привык к ним с раннего детства. Он видел их каждый день, так же как и других взрослых. Но только недавно он заметил, что Вэл и Эллис ни на кого не похожи и что его мама, Силач Джон и Аллун тоже так думают.

Сразу за Вэл шла Бронден — небольшая, крепко сбитая и упрямая. За ней шла Марли. Марли улыбалась, глядя на Аллуна, который торопливо шагал рядом с ней, то насвистывая, то напевая, как будто на деревенском празднике.

Роуэн был предпоследним — за ним шел лишь Силач Джон. То и дело он заговаривал с мальчиком: «Ну как, держишься?» или «Вот уже почти и пришли». Роуэн кивал в ответ и неохотно отвечал. Он думал, что Силачу Джону все равно: просто он чувствовал себя в ответе за мальчика.

Добродушный Силач Джон никогда ни с кем не спорил. Такой уж у него был нрав. И с Роуэном он тоже всегда хорошо обращался, но не сказать, чтобы сильно его любил. За Аннад он тревожился — это сразу было видно. А с Роуэном ему было как-то неуютно: слишком уж он старался к нему подладиться. А если человек тебе по-настоящему нравится, подлаживаться ни к чему. Роуэн хорошо это знал. Да еще, бывало, Силач Джон поддразнивал

его, называл мальчишкой-зайчишкой и смеялся над тем, что он всего боится.

Вот и сейчас Силач Джон заговаривал с ним только из-за Джиллер. Роуэн слышал, как мама тихо сказала: «Береги его», когда прощалась с этим большим и сильным человеком. А Силач Джон взял ее руки в свои и ответил: «Не беспокойся! Обещаю тебе, домой он вернется целым и невредимым».

Роуэн вспомнил об этом и почему-то разозлился. С какой это стати Силач Джон так смотрит на его маму? И за руку просто друг покойного мужа так держать бы ее не стал. Тогда, на рыночной площади, Роуэн вдруг ясно понял, что чувство Силача Джона к его матери — это больше, чем дружба. Страшно было даже представить себе, что когда-нибудь Силач Джон может стать ее мужем. Никто и никогда не займет место отца, горько размышлял Роуэн. Никто и никогда.

Он упрямо шел вперед, глядя перед собой, и не мог не злиться. Это все Силач Джон виноват! Если бы он не поддразнивал Шебу, она никогда бы не доверила карту ему, Роуэну. Если бы не Силач Джон, Роуэну не пришлось бы идти на Гору.

Тут мысли Роуэна изменили свое направление, и гнев его поостыл. Он подумал, не забыли ли Силач Джон и Марли то, что напороочила им Шеба: «Семь сердец в дорогу идут, семь смертей их стерегут». Вообще-то они ничего не говорили, но, уж наверное, не раз, как и он, вспомнили эти слова. По спине у него побежали мурашки. Шеба никак не могла знать, сколько человек отправится на Гору. Может, она и в самом деле видела будущее, пока, закрыв глаза, сидела в своем кресле? А если эта часть предсказания оказалась правдой, тогда, значит, верно и все остальное. Роуэн опустил взгляд на землю — на Гору ему смотреть совсем не хотелось.

Идти оставалось еще не меньше часа, скалы в предгорьях становились все круче и острее, а солнце сильнее и сильнее припекало спину Роуэна. Только мысли о букшах помогали ему держаться на ногах. Пока Джиллер собирала в дорогу мешок, он успел сбегать на луг и попрощаться с животными. Они беспокойно топтались в зеленой траве, которая пока еще росла вокруг грязного озера.

«Мы вам поможем, — тихо говорил Роуэн, переходя от одного букша к другому, поглаживая и похлопывая каждого и втягивая носом знакомый теплый запах. — Скоро у вас снова будет вкусная вода. Уже совсем скоро».

Последней была Звездочка. Он широко расставил руки, обхватил ее за шею и прижался щекой к косматой шерсти. «До свидания, Звездочка, — сказал он. — Жди меня. Я найду воду. Я тебя не подведу». — Он знал, что Звездочка не понимает ни одного его слова, но звук его голоса успокаивал ее, потому что в ответ она тихонько пофыркивала. Роуэн продолжал: «Аннад и мама присмотрят за тобой, пока меня не будет. Если у Зорьки за это время родится теленок, они и ей помогут. Они мне обещали».

Он еще раз обнял ее на прощание и пошел прочь. И теперь, когда его ноги подкашивались от усталости, а сердце выскакивало из груди, он вспоминал, как верила в него Звездочка и какая она была сильная.

— Эй, Эллис! — прервал мысли Роуэна Силач Джон.



Аллун и Марли остановились прямо перед мальчиком. Он споткнулся, чуть не упал и поднял глаза. Перед ним высился утес. А рядом он увидел сухое русло Реки, вернее, глубокую круглую яму, на дне которой темнела лужица грязной воды. Прямо над ямой в скале виднелась расщелина с пожухлой травой и мхом по краям. Так вот, значит, откуда бралась вода.

— Обычно здесь настоящий водопад, — указывая на расщелину, сказал Вэл и Эллису Силач Джон. — Брызги летят во все стороны.

Бронден осторожно спустилась вниз, на дно ямы, и обошла его кругом, поддевая вязкую жижу носком ботинка. Потом она нагнулась и заглянула в расщелину, словно надеясь, что найдет там ответ.

— Шеба сказала, что это наверху что-то случилось, — сказала Марли, еле сдерживая досаду на Бронден.

— Я сама хочу посмотреть, Марли, — резко ответила Бронден и просунула руку как можно дальше в расщелину. — Круглая. И низ, и стены, и верх — все гладкое. Видно, вода их обточила, — объявила она, вытерла руку о юбку и поднялась наверх.

— А ты чего ждала? — ухмыльнулась Марли.

Роуэн опустился на траву. Ноги его больше не держали. Он снял с плеч тяжелый дорожный мешок и нашел в нем флягу — его мучила жажда.

— Много не пей, — предупредил его Аллун, присев рядом. — Мы не знаем, надолго ли хватит наших запасов. Ведь может так случиться, что на Горе не будет воды.

Роуэн проглотил теплую, с металлическим привкусом воду. Какой же вкусной она ему показалась! Он мог бы сразу осушить всю флягу, но заставил себя остановиться, хотя чуть было не пустил слезу, завинчивая пробку. Сил уже совсем не было.

А ведь путешествие, можно сказать, только началось.

Все остальные тоже снимали с плеч дорожные мешки и сумки и с удовольствием потягивались. Потом они вслед за Роуэном один за другим опускались на траву.

— Ну, Роуэн, — сказал Аллун, — давай показывай нам карту. Но смотри держи ее хорошенько, а то, когда там все мелькает, у меня живот крутит.

Роуэн вынул из своего мешка карту и расстелил ее на траве, для верности придавив углы камнями. Все встали кругом.

— Мы здесь, видите? — сказал Силач Джон, указав пальцем на какую-то точку на карте. — И если верить красным отметкам, восхождение нужно начать тоже отсюда. Тропа идет вверх мимо пещеры, откуда течет вода, а потом дальше — туда, где Гора образует террасу, на которой растут деревья. Вон туда.

Он указал на темно-зеленые деревья, колыхавшиеся высоко над ними.

— Крутенько, — проворчала Вэл. — Мальчишке придется трудно.

— Ничего, поможем, — бодро сказал Силач Джон.

Аллун внимательно разглядывал карту.

— А что это за белые пятна? — спросил он, обводя их пальцем.

Марли нахмурилась:

— И почему-то все они на тропе. Шесть штук. А может, Шеба стерла что-нибудь важное, чтобы нам было еще труднее?

— От нее всего можно ждать, — сказал Силач Джон. — Ну да ладно, самое главное — это тропа, а ее здесь хорошо видно.

— Вот это правильно, — потягиваясь и зевая, вставила Бронден. — Нечего пустой болтовней заниматься, давайте запоминать путь.

Глядя на эти белые пятна, Роуэн похолодел. Ну как же он раньше их не заметил? Сейчас-то они прямо бросались в глаза: по всей тропе, а последнее — наверху. Белые пятна на разрисованной поверхности карты! Что же они скрывают? Первое было в том месте, где тропа пряталась под деревьями. Уже скоро они узнают, что обозначают эти пятна.

— Похоже, сначала мы пойдем через Лес, — продолжала думать вслух Бронден. — Подъема пока нет, тропа ведет на запад. Здесь будет легко идти, если только мальчишка нас не задержит. — Она тяжело вздохнула и снова посмотрела на карту. — В общем, все ясно. Там, где кончается Лес, поворачиваем на северо-запад и движемся дальше по этому овражку. Здесь путь недалек — значит, дойдем быстро. Так и будем подниматься все вверх и вверх. Ничего! К счастью, у меня с собой компас. И у Марли, и у Джона есть компасы — мы их вместе покупали, когда последний раз ездили торговать к Морю. — Она повернулась к Вэл и Эллису. — Вам бы, друзья, тоже следовало подумать о том, чтобы съездить туда. Там много любопытного, да и можно что-нибудь продать или купить.

Вэл покачала головой в ответ:

— Мельница должна работать, Бронден. Нельзя ее бросить и отправиться гулять в свое удовольствие.

— Может съездить кто-нибудь один, — лениво бросил Аллун, грызя травинку и глядя в небо.

Вэл спокойно ответила:

— Не по-нашему это.

— А ты, Аллун, тоже никогда не едешь к Морю, — вставила Марли. — Всегда тебе то некогда, то недосуг. Ну точно как Вэл и Эллис!

Бронден открыла было рот, чтобы что-то сказать, но призадумалась и не сразу произнесла:

— Компас — это чудо. Водяной народ ходит по нему в открытое море. Теперь и нам будет гораздо легче идти — у нас еще и на земле есть приметные знаки. Завтра к вечеру вернемся домой, попомните мои слова.

— Если бы все было так легко, зачем бы нам дали карту, Бронден? — возразила Марли, склонившись над свитком. — Гора коварна. Ничего просто так здесь не случается, и всего надо бояться.

— Пока сама не увижу опасности, и думать ни о чем не собираюсь, — отрезала Бронден. — Если ты боишься, Марли, нечего было идти. Нам и так надо тащить с собой мальчишку, а он — вон, от страха из штанов выпрыгивает.

— Забыла ты, что ли, Бронден? Ты же сама настояла, чтобы взять его с нами, —

прикрикнул на нее Силач Джон.

Бронден сердито передернула плечами и отвернулась.

— Лучше, если мы сейчас забудем обо всех разногласиях, — примирительно сказал Аллун.

Он сел на корточки, вытаращил глаза, вытянул вперед руки, изо всех сил затряс ими, пронзительно закричал: «Ой, боюсь, боюсь, боюсь!» — и упал на траву, из стороны в сторону мотая головой и в притворном страхе стуча зубами.

Силач Джон и Марли рассмеялись, и даже Роуэн нашел в себе силы, чтобы улыбнуться. Вэл и Эллис, однако, молча посмотрели на Аллуна, а потом переглянулись. Бронден презрительно фыркнула.

— Что ж, если Аллун перестал бояться, значит, можно начинать, — сказала Марли и вынула из своего мешка толстую веревку. — Мы ведь полезем на скалы? Мне не так уж и страшно, как вы думаете, но свалиться я тоже не хочу.

Когда в Рине было туго с едой, Роуэн лазил на деревья и пригибал к земле ветви с густой зеленой листвой, чтобы букшахи могли поесть. Но даже на самых низких ветвях у него кружилась и болела голова. Высота была не для него. А восхождение, которое сейчас ему предстояло, было хуже, чем самый страшный сон.

И вот веревка связала Марли, Аллуна и всех остальных. Силач Джон шел позади всех. Роуэн то и дело спотыкался и падал, повисая на веревке над бездной. Сверху качалось небо, снизу колыхалась земля. В ушах звенел его собственный крик. Ребра больно сжимала веревка, которая одна только и спасала его. Легкое тело Роуэна ударялось о скалы, вскоре он был весь в синяках. И все же приходилось карабкаться вверх.



Это было невыносимо. Но было бы куда страшнее, если бы кто-то еще оказался таким

же неловким, как он. Если бы поскользнулся Силач Джон, он всех бы увлек за собой в пропасть. Если бы упал кто-то другой, даже Силач Джон вряд ли смог бы его удержать.

Роуэн совсем измучился, его била дрожь, каждая мышца болела, но он лез и лез вверх. И когда наконец его втащили на вершину утеса, он, задыхаясь, упал на траву. Перед глазами все поплыло, а потом он потерял сознание.



6. В Лесу



Холодный шершавый язык Звездочки касался щек и лба мальчика. Роуэн улыбнулся. «Хватит, Звездочка! Ну перестань», — пробормотал он. Голова его моталась по траве из стороны в сторону.

— Бредит, — испуганно сказал кто-то.

Звездочка куда-то исчезла. Роуэн открыл глаза и прямо перед собой увидел серьезного Силача Джона. Мальчик сначала ничего не понял, а потом его охватило отчаяние — он вспомнил, где находится. Нет, не дома, не на лугу с букшахами, не со Звездочкой, которая его любила. Он на Горе, с Силачом Джоном, который его еле терпит, с Марли и Аллуном, которые его жалеют, с Бронден, Вэл и Эллисом, которые его презирают.

— Да, бредит, — нетерпеливо повторила Вэл. — Ох, как же этот заморыш всех нас задерживает. Посмотрите на солнце! Уже, наверное, часов одиннадцать.

Силач Джон отбросил мокрую тряпку, которую он прикладывал ко лбу Роуэна.

— Сейчас оклемается, — сказал он. — Да, он заморыш, но видела бы ты, Вэл, как храбро он лез на этот утес! Просто силенок не хватило.

Он встал и отошел в сторону, устало распрямляя спину.

Роуэн не двигался и смотрел прямо в небо. У него ныло все тело, но голова была ясной, только в ушах тихонько звенело. Вэл была права: солнце стояло уже высоко. Он, наверное, очень долго спал, даже успел увидеть сон, как будто он дома и еще совсем маленький. Лицо начало гореть, но Роуэн с трудом приподнялся и сел на траве.

— Не спеши, не спеши, Роуэн, — улыбнулся Аллун, присев рядом с ним и обняв его за плечи. — Тише едешь — дальше будешь. На, выпей.

Он поднес флягу к губам Роуэна, и мальчик сделал несколько глотков.

— Когда тебе будет лучше, — продолжал Аллун, со значением поглядывая на всех остальных, — мы двинемся дальше, в Лес. А сейчас, — тут он пододвинул к Роуэну его мешок, — не теряй-ка времени зря. Подержи нам карту, а мы на нее посмотрим.

— И так уж всё разглядели, — буркнула Бронден. — Чего там смотреть-то?

— Ах, молодость, молодость! Не забывай, что я на три года старше тебя, Бронден, — улыбнулся Аллун. — Чего удивляться — память не то что твоя.

Роуэн понял, что Аллун просто хотел занять его, пока он приходит в себя, но все-таки вынул карту и медленно ее развернул. Подумаешь, еще раз посмотрит. Глаза медленно следили за прерывистой красной линией. Так... вот высохшее русло... а вот яма, куда собиралась вода... расщелина в скале и сама скала... вход в Лес рядом со скалистым утесом, около которого они сейчас сидели, проход через...

Роуэн моргнул, взглянул на карту и снова моргнул. Он хотел что-то сказать, но слова

застряли в горле.

Аллун перехватил его взгляд и тоже быстро посмотрел на свиток. Удивленно вскрикнув, он громко позвал:

— Джон, иди-ка сюда!

Силач Джон подбежал к ним, а остальные столпились вокруг, чтобы узнать, что случилось.

Роуэн молча указывал пальцем на карту. Там, где начиналась лесная тропа, где раньше белело пятно, теперь ясно виднелись шесть черных строчек.

Аллун негромко прочел их вслух:

Крадись, не дыша, и тишь не тревожь —
Не то гибель в силках найдешь...
У шелковой двери конец пути —
Там свет и пламя помогут пройти.
Потом в глаза себе загляни,
Чтоб путь расчистить — смотри в зенит.

— Что за белиберда? — громко возмутилась Вэл. — Что за дурацкие шуточки?

— Карту никто не трогал, Вэл, — ответила Марли. — Слова появились после того, как мы на нее смотрели в последний раз.

— Невероятно! — сказала Бронден.

Она склонилась над картой и стала внимательно разглядывать стихи, как будто пыталась сообразить, откуда они взялись.

— Да какая теперь разница, как они появились! — возбужденно воскликнул Аллун. — Самое главное — понять, что они значат.

Силач Джон прокашлялся и сказал:

— Как бы там ни было, строчки не могли появиться здесь ни с того ни с сего. Они указывают нам, что делать, и предупреждают нас.

— Из них понятно, что нельзя махать руками и орать во всю глотку, — заметил Аллун. — Сказано очень ясно, и лично я собираюсь послушаться этого совета.

— Вряд ли у тебя получится, Аллун, — пошутила Бронден.

— В конце написано о зените, — не слушая ее, сказал Силач Джон. — Давайте как можно скорее пройдем через Лес. Я полагаю, до полудня осталось не больше часа. — Он протянул руку Роуэну и помог ему подняться на ноги. — Сверни карту и заткни ее за пояс, мальчик, — велел он. — Поклажа моя сложена неравномерно, и, чтобы это исправить, я заберу себе временно твой мешок. Если ты не против, конечно.

Не дожидаясь ответа, он перекинул дорожную сумку и мешок Роуэна за спину и широко зашагал все вверх и вверх по каменистой тропе. Остальные торопливо двинулись следом. Роуэн, на плечи которого теперь не давила тяжелая ноша, с облегчением заметил, что, хотя все его тело было в синяках, идти ему стало гораздо легче.

Они остановились на вершине скалы, чтобы рассмотреть то, что открывалось за деревьями. Солнечные лучи играли на тихо шуршащих листьях и отражались в лужицах. Вдаль от них убегала извилистая тропа и терялась где-то в подлеске.

— Красивый вид, — сказал Аллун. — Может, я пойду первым? Тогда мне некогда будет

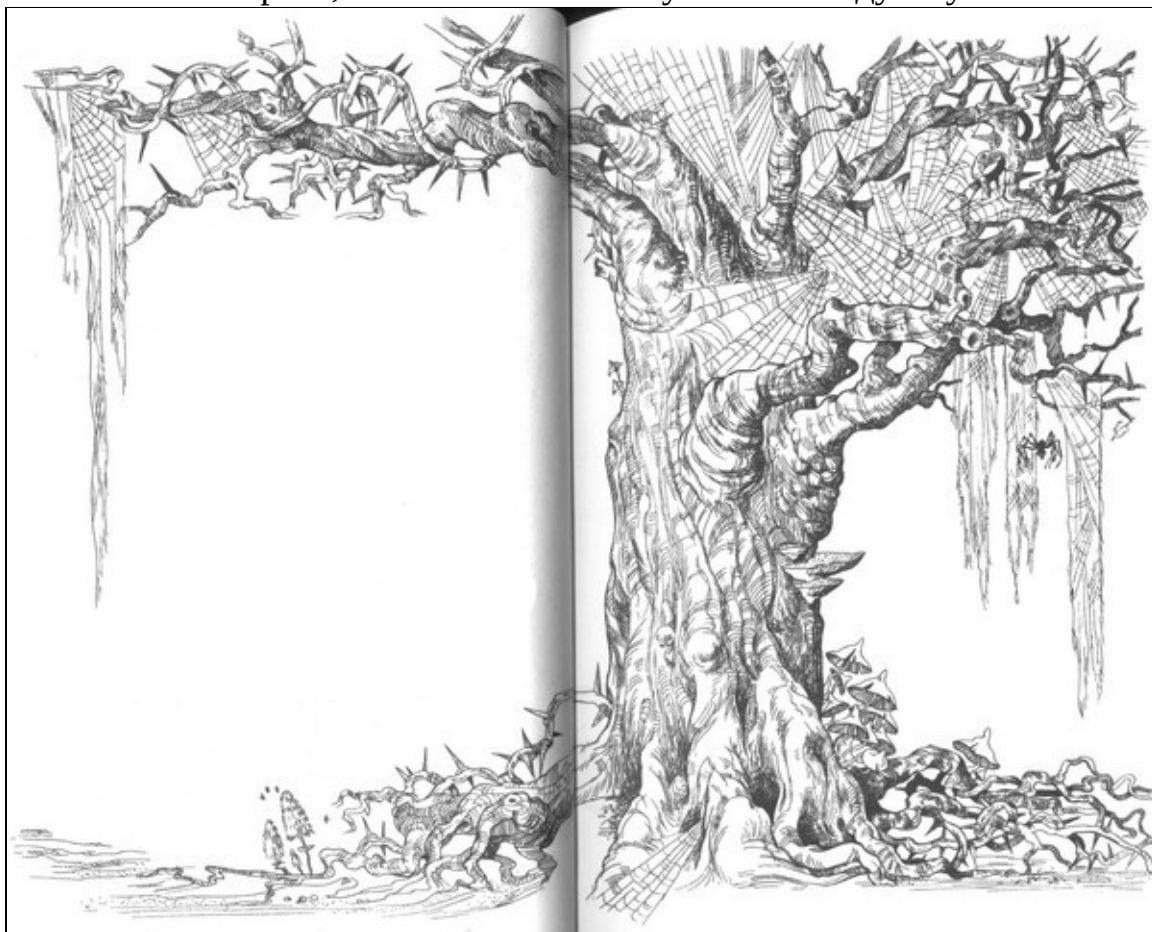
болтать и, наверное, я сумею придержать язык, как велит надпись. Надо когда-то и такое попробовать.

— Иди-иди, — буркнула Бронден, — Наконец-то отдохнем от тебя — все мелешь и мелешь.

Они вошли в Лес. Роуэн заметил, как его спутники прижали руки к бокам, хотя и по-разному относились к тому, что велела карта. Все молчали. Через несколько мгновений тропинка сделала резкий поворот, и скала, с которой они только что спустились, исчезла из виду.

Чем дальше они заходили в чащу, тем выше становились деревья, тем теснее они обступали путников. По их стволам вился дикий виноград, вокруг все заросло кустарником. Под пологом Леса царили сумерки. А как было тихо! Роуэн, стараясь не отставать от Марли и слыша позади себя твердую поступь Силача Джона, подумал, что никогда еще не бывал в таких местах, где нет ни звука. Куда исчезли все птицы? Почему здесь нет ни кузнечиков, ни ящериц, ни другой живности — вообще никого, кто обычно живет в лесу?

И тут ему что-то послышалось. Что-то вроде чириканья раздавалось с тропинки прямо перед ними. Больше всего это было похоже на голоса птичьей стайки. Роуэн знал всех, кто водился в окрестностях деревни, но такого чириканья ему слышать не приходилось. Наверное, эта порода птиц в долину не залетала. Гнезда в это время года птицы не выют, но ему очень хотелось посмотреть, как они летают и суетятся. На душе у него стало веселее.



Непонятный звук становился все громче и громче. Аллун зашагал быстрее, как будто и ему не терпелось посмотреть, что же это такое. Расстояние между ним и Марли увеличилось. Она цокнула языком и поспешила за Аллуном. Роуэн, изо всех сил стараясь не отставать, пробовал заглянуть Марли через плечо, потому что тропинка как раз снова повернула. И конечно, споткнулся и чуть не упал, потому что Марли, тяжело дыша, налетела

на Аллуна, который в полутьме был почти невидим и вдруг остановился. Непонятный звук стал просто оглушительным.

Силач Джон успел схватить Роуэна за плечо и удержал его на ногах, в этот момент сзади на него в свою очередь налетели Вэл, Эллис и Бронден. А Аллун так и стоял как вкопанный.

— Аллун, придурок, что за шутки? — прошипела Бронден.

Чириканье прекратилось как по команде. И тут же что-то зашуршало, зашевелилось, засвистело.

Аллун обернулся, лицо его было смертельно бледным. Молча, не говоря ни слова, он кивком указал вперед.

И тут всем стало видно то, что первым увидел Аллун. Пауки! И с той и с другой стороны тропинки, огромные, черные, мохнатые, каждый не меньше, чем кулак Силача Джона, они лазили по белой паутине, которая так густо опутала деревья, что не различить было ни ветвей, ни листьев. Их глаза в темноте сверкали. Тысячи глаз! У Роуэна побежали по коже мурашки. Путникам предстояло пройти между полотнищами мерзкой паутины, пока огромные пауки будут прислушиваться к их словам и тянуться к ним своими мерзкими лапами.

— Ох! — выдохнул кто-то сзади.

Пауки на миг приостановились и поползли в направлении звука.

Силач Джон потянулся через плечо Роуэна и тихонько подтолкнул Марли, чтобы та шла дальше. Марли подтолкнула Аллуна, и он медленно и осторожно двинулся вперед. Но не сделали они и нескольких шагов, как сзади кто-то опять сдавленно охнул, и Вэл вцепилась в рукав Силача Джона.

— Это Эллис, — едва слышно сказала она. — Он не может...

Силач Джон, Роуэн, Марли и Аллун в недоумении обернулись. За спиной Вэл возвышался громадный Эллис. Он весь трясся, то и дело начиная тихо стонать, и прижимал к груди крепко сжатые кулаки. По его бледному лицу ручьями катился пот.

— Это из-за пауков, — тихо продолжала его сестра. — Он всегда их боялся, с детства. У нас дома ни пылинки, ни соринки, не говоря уж о пауках. Он даже самых маленьких боится как огня. Ну а эти... вон какие здоровые.

— Эллис, — быстро прошептал Силач Джон, — иди, дорогой. Смотри, тропа совсем короткая. Если мы осторожно...

— Не могу! — еле выдавил из себя здоровяк Эллис.

Он неуклюже развернулся и протиснулся мимо Бронден, едва не спихнув ее с тропы прямо в паутину. Очень медленно Эллис направился обратно. Тропа повернула, и он скрылся из виду. Слышался только стук его башмаков. Сначала он ускорил шаги, а потом побежал, все быстрее и быстрее.

— Пошли! — со стыдом в голосе прошептала Вэл. — Пошли дальше! Он не вернется.

Все молча повиновались. Через короткое время то, что издали показалось Роуэну чириканьем, раздалось снова. Пауки как будто переговаривались, медленно потирая свои огромные узловатые лапы. Стало совсем жутко, потому что теперь было ясно, откуда шел звук. Роуэн ступал след в след за Марли и часто дышал, стараясь сделаться совсем маленьким и худеньким. По сторонам он не глядел и пытался не думать о паутине, которая белым саваном свисала с деревьев, о мерзопакостных шевелящихся пауках, до которых было рукой подать, с тысячью их жутких глаз.

Чтобы пауки не заметили людей, следовало вести себя очень тихо. Нельзя было и задеть паутину — отвратительные твари тотчас побежали бы к неосторожному путнику. Роуэн сто раз видел, как попадают в их сети разные мелкие букашки. Надо было идти и не останавливаться. Надо было заставить себя о чем-то думать, ну хотя бы вспоминать последние строчки стихотворения:

У шелковой двери конец пути —
Там свет и пламя помогут пройти.
Потом в глаза себе загляни,
Чтоб путь расчистить — смотри в зенит.

У шелковой двери... Смотри в зенит... Так сейчас, наверное, уже полдень.

Рука Силача Джона легла на плечо Роуэна, и от испуга он чуть не подскочил. Он поднял глаза и увидел, что тропинка немного расширилась и прямо перед ними висит «шелковая дверь». Соткана она из огромной блестящей паутины, такой плотной, что через нее ничего не видно. В ней запутались сухие ветки и листья. «Дверь» перегородила тропинку, и идти дальше было невозможно. А рядом в ожидании замерли тысячи пауков.

Аллун медленно повернулся и посмотрел на своих спутников.

— Ну что? — произнес он одними губами.

— Стих, — выдохнула Марли.

— Стихотворение — это набор слов, — прошипела Бронден. — Проруби эту паутину, и пошли дальше, Аллун. А если духу не хватает, давай сюда топор — я сделаю это сама!

Пауки зашуршали в своей паутине.

— Нет! — шепотом ответил ей Силач Джон. — Посмотри, сколько их здесь висит. Если только мы заденем паутину, они все обрушатся на нас. Нечего испытывать судьбу.

— Может, они безвредные? — предположила Вэл.

— А может, и нет, — ответила Марли. — Правильно Джон говорит — нечего испытывать судьбу. Одного мы уже потеряли.

— Ну и что? — сердито ответила Бронден.

Побег Эллиса стал для нее настоящим ударом.

Как мог такой большой и сильный человек оказаться по-детски трусливым? Это не укладывалось в ее голове. Она старалась не смотреть на Вэл — той ведь, наверное, очень стыдно.

Тем временем освещение изменилось. Прямо над ними солнечный луч пробил сумеречный свет Леса и принес с собой тепло. Пауки зашуршали и начали расползаться по сторонам.

— Они не любят света, — прошептал Роуэн. — Об этом есть в стихотворении: «...свет и пламя помогут пройти».

— Огонь! — тихо сказала Бронден. — Нужно посветить факелом на паутину.

— Все факелы были у Эллиса, — хмуро ответила Вэл.

Аллун пошарил в карманах, нашел коробочку с трутом и спросил:

— Есть у кого-нибудь то, что горит? Можно посветить.

— Не маши руками, — предупредил Силач Джон, не сводя с пауков глаз.

Марли опустила руку в карман куртки и вынула компас, расческу, зеркало и небольшой

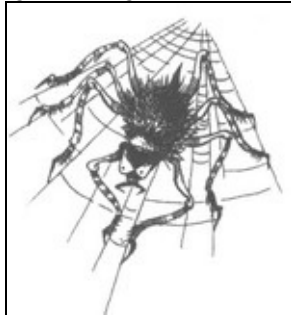
платок. Его она передала Аллуну. Аллун связал платок узлом и высек трутом огонь.

— Вот так! — сказал он, поджег платок и кинул его прямо в середину «шелковой двери».



Под языками пламени паутина затрещала и сжалась. Пауки зашуршали еще громче и начали разбегаться. Но не успел никто из путников сделать и нескольких шагов вперед, как пламя потухло и пауки остановились. Теперь в «двери» зияла большая дыра, и в дыму были видны сотни пауков, устремившихся обратно к дыре.

— Они же плетут паутину! — охнул Аллун. — Смотрите-ка, уже чинят!



— Надо их задержать! — Силач Джон взволнованно огляделся по сторонам. — Что же придумать?

— Им свет не нравится, — напомнил Роуэн. — Они солнца не любят.

— Роуэн, нам не из чего сделать факел, — сказала ему Марли. — У нас нет ничего такого, что будет долго гореть и держать этих тварей подальше от паутины.

Тут Силач Джон взял Роуэна за плечо:

— Ну-ка, сынок, повтори нам последние строчки стихотворения!

Роуэн тихонько сказал:

— Потом в глаза себе загляни,
Чтоб путь расчистить — смотри в зенит.

Тут его осенило, и он быстро взглянул на Марли.

— Здесь же говорится о полуденном солнце!

От яркого света Аллун прикрыл глаза.

— Так, но солнце как раз здесь, где мы стоим. Вся паутина в тени.

Марли спросила Роуэна:

— Что такое, Роуэн? Почему ты на меня так смотришь?

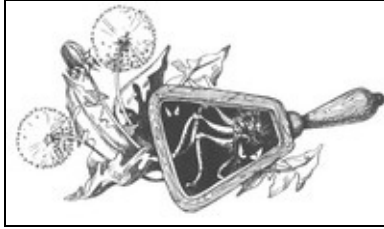
— У вас есть зеркало, в нем можно увидеть себя со стороны, — прошептал в ответ мальчик. — Зеркало, понимаете? А солнце...

— Точно! — Силач Джон сжал кулаки. — Скорее, скорее! Пока солнце не сдвинулось слишком далеко. Мы и так здесь уже порядком задержались.

Марли вынула зеркало. Силач Джон поставил его прямо перед собой, поймал яркие лучи и направил их на пауков. Те бросили плести паутину и начали отползать в темноту.

— Дай мне! — Вэл выхватила зеркало из руки Силача Джона и отраженным лучом начала рисовать широкие круги на двери. — Ну! — Она толкнула Бронден, чтобы та шла первой. — Иди скорее!

Роуэн побежал вместе со всеми, глядя прямо на дыру в паутине и на блики света над ней. Пляшущий огонь начал уже исчезать, когда он пролез сквозь дыру. А сзади на него зло таранились тысячи пауков, так и не сумевших превратить шестерых путников в свою добычу.



7. Видения



Рядом с Роуэном повалились Силач Джон и Бронден, но тут же вскочили на ноги.

— Вэл! — позвал Силач Джон, подойдя к дыре, — Вэл! Скорей! Скорей, пока солнце не село! — Он заглянул в дыру и недоуменно сказал: — Она там! Смотрит на тропу вслед Эллису.

— Джон, пусть она поторопится! — крикнул Аллун. — Солнце скоро...

— Вэл! — громко позвал Силач Джон, приложив ладони ко рту. — Ты нам нужна. Ты должна идти с нами. Скорей!

С другой стороны паутины слышались быстрые тяжелые шаги. Вэл с трудом протиснулась в дыру с черными краями, упала всем телом на траву, и Силач Джон вместе с Марли и Аллуном изо всех сил затопали по земле, разгоняя сотни пауков, которые падали с ее одежды и волос.

Вэл села и начала растирать лицо, плечи и спину.

— Ну-ну, успокойся, Вэл! — утешала ее Марли. — Все хорошо. Их всего-то было несколько штук, да и те уже убежали.

Вэл недоверчиво огляделась вокруг. Потом она разжала кулак и взглянула на зеркало. Удивительно, но оно не разбилось.

— Оно нам сильно помогло, но я могла направлять свет на паутину, только пока стояла на солнце, — сказала она. — Я быстро прыгнула, но эти твари все-таки успели раньше меня.

Вэл передала зеркало Марли и тяжело опустила плечи, глядя в пространство.

— Кажется, здесь нам ничего не грозит, — заметил Аллун, показав рукой на окружающие их деревья. — Пауков здесь точно нет. Кажется, их земля осталась за «шелковой дверью». Но какие еще подарочки преподнесет нам этот Лес, я даже представить себе не могу.

— Если я правильно помню карту, мы уже скоро выйдем из Леса, — ответила Бронден. — Поэтому лучше не терять времени и поторопиться, а потом уж сесть где-нибудь, чтобы отдохнуть и поесть. Нехорошее это место.

Никто не стал с ней спорить, и все молча двинулись на запад, куда вела тропа. Их было уже шестеро, а не семеро, и это сильно чувствовалось. За всю дорогу Эллис сказал, может, десять слов, но оттого, что рядом не было этого огромного человека, все остальные казались себе и меньше, и слабее. Больше всех переживала его сестра. Казалось, из нее ушла половина силы, и она с трудом продолжала путь.

Минут через пять деревья стали редеть. Совсем скоро путники наконец вышли из Леса и повернули на северо-запад, точно как указывала карта. Гора все так же круто уходила

вверх, но они спускались, а не поднимались по ней. Зеленела густая трава, и земля под ногами с каждым шагом становилась все мягче и мягче.

— Остановимся здесь, — велел Силач Джон. — Похоже, мы спускаемся в низину, а там может быть топко. Лучше отдохнем здесь, на сухом месте.

Роуэн с удовольствием опустил на траву. Силач Джон скинул ему на колени его мешок, и мальчик вдруг остро почувствовал, до чего же он проголодался. Он вынул флягу с водой, хлеб и сыр и набросился на еду. Удивительно, а ведь мама собирала его в дорогу сегодня утром. Этим утром! Не верилось, что они уже так далеко от Рина. С ним уже столько всего случилось, что казалось, прошло несколько дней, а не часов, с тех пор как он на прощание потрепал по шее Звездочку и пошептался с ней, как обнял Аннад и поцеловал маму.

А потом они долго шли, и ему было очень непривычно и одиноко. Потом было ужасное восхождение на скалу. Потом Лес. Потом вокруг шуршали пауки... Вспомнилось, как застыло от страха лицо Эллиса, как он развернулся и побежал назад. Роуэн вздрогнул. Хлеб и сыр вдруг стали совсем невкусными. Ему даже захотелось их выплюнуть, но вместо этого он еще отхлебнул воды и заставил себя проглотить то, что было во рту.

Шеба говорила, что все так и будет. Она предупреждала, что Гора обломает даже самых храбрых и не одно сердце скует страх. Эллис стал первым.

Ведь ничего подобного никто не мог себе даже вообразить. А он все-таки ушел и оставил шесть сердец продолжать свой путь без него. Неужели их сердца тоже будут скованы страхом? Неужели сердце Роуэна будет следующим? И если сам путь так опасен, то что же их ждет в конце пути? А Дракон?

Роуэн вздрогнул. Не надо об этом думать. Надо идти себе и идти. Нельзя поддаваться страху. Еще шаг...

Карта! Роуэн вынул ее из-за пояса и развернул. Ему было и любопытно, и страшно, но все же он посмотрел на еще одно белое пятно.

На нем было написано:

Здесь все — не то, что видит взор:
Перемешались явь и сон.
Любимых плач умей стерпеть,
Глазам не верь, иначе — смерть,
Веревкой кровь и плоть стянуть.
Пусть дерево укажет путь.

Роуэн замер.

— Карта... — робко сказал он. — Здесь...

К нему тут же поспешил Силач Джон. Подбежали Аллун и Марли. Подошла и Бронден, как обычно что-то ворча. А Вэл осталась сидеть на месте, прислонившись спиной к скале.

— Это стихотворение еще непонятнее предыдущего! — воскликнул Аллун.

— То оказалось для нас очень важным, — сказала Марли. — Значит, и это такое же. — Она прочла его еще раз, нахмурилась и взглянула на Аллуна. — «Любимых плач умей стерпеть...» Похоже, нас снова поджидает опасность.

— Мы с самого начала знали, — сказал Силач Джон, — что весь наш путь будет

нелегким. — Он задумчиво почесал затылок.

— Веревкой кровь и плоть стянуть.
Пусть дерево укажет путь.

Сейчас, значит, самое главное — найти правильного вожатого. Нам нужно решить, как мы поступим. Что может значить дерево?

— Дерево твердое, — заметила Марли. — Твердое... гладкое... холодное.

— В нем нет крови, — подхватил Аллун. — Оно ничего не чувствует. Ему не больно.

— Сильное, — добавила Бронден. — Крепкое. Природное. Земное.

— Да, — снова почесал затылок Силач Джон. — Значит, это тот, кто меньше всего поддается чувствам. Тот, кто может не обращать внимания на слезы других. Тот, кто не боится крови. Вот такой человек нас и поведет.

— Ну нет, это не я, — решительно заявил Аллун. — И уж конечно, не Роуэн. И, осмелюсь сказать, не ты, Джон. Ну по крайней мере не сейчас.

Он лукаво взглянул на Роуэна, который тут же отвернулся. Ему не хотелось думать о Силаче Джоне и маме. Ни сейчас, ни вообще никогда.

— Видно, из тех троих, что остались, я подхожу больше всех, — сказала Бронден. — У меня ведь нет семьи, и я никого не люблю. Целыми днями я вожусь с деревом, и мне это нравится. Я верю только тому, что вижу собственными глазами. Значит, я вас и поведу.

На том и порешили.

Через полчаса, поев и хорошо отдохнув, они снова двинулись в путь и пошли на северо-запад, как указывал компас. Тропа исчезла. Бронден очень льстило, что в вожаки выбрали именно ее, и впервые с начала путешествия настроение у нее было превосходным. За ней, погрузившись в странное молчание и еле передвигая ноги, шла Вэл. Потом Аллун и Марли. Потом Роуэн с Силачом Джоном, который опять взвалил на плечи мешок Роуэна, «чтобы было удобнее нести». Когда Бронден объявила привал, все тут же остановились, чтобы срезать мягкие острые веточки деревьев с запахом сосны, которые росли на пути. Бронден рассудила, что из этих веточек выйдут хорошие факелы — ведь все факелы, что у них были, унес с собой Эллис.

Они спускались по склону все ниже и ниже, и вокруг становилось все более сыро. Вместо зеленого ковра под ногами теперь хлюпала грязь.

Аллун принюхался, наморщил нос и недовольно сказал:

— М-да, запахок!

Деревья вокруг них стали совсем другими — тихими и мрачными. От сырых скрюченных стволов прямо по воздуху тянулись белые жирные корни. На коре, точно языки пламени, пылали пятна неизвестных грибов. Грязь становилась все жиже. Из-под башмаков Роуэна разлетались брызги.

Вдруг на землю опустился туман. Бронден нагнулась к компасу, чтобы успеть разглядеть, куда им дальше идти, потому что желтоватая мгла окутала, словно облако, все вокруг. Она, точно пар, вилась вокруг деревьев, шла от топкой жижи и камышовых зарослей, что тянулись по обеим сторонам болота. С каждым мгновением становилось все темнее.

В конце концов они почувствовали себя словно запертыми в каком-то безмолвном и непонятном мире. Мир этот состоял из тумана и грязи. Кроме хлюпанья под ногами, ничего

не было слышно. Марево плыло впереди, сзади и по бокам и, казалось, по своей воле меняло очертания и направления, потому что ни одно дуновение ветерка не шевелило листьев деревьев.

Потом Роуэн заметил, что слева от него движется что-то большое и темное. Он приостановился, вглядываясь в волнующуюся, беспокойную, обманчивую дымку и стараясь догадаться, что же это за...

Мальчик невольно вскрикнул. Звездочка! Да, это была она. Тяжело дыша, она еле ворочалась в жиже, которая затягивала ее все глубже и глубже. Туман рассеялся, и он смог увидеть, как она в безумном страхе закатывает глаза и тяжело из стороны в сторону мотает головой, стараясь вырваться из густого вонючего болота.

Не задумываясь, мальчик рванулся к ней, чтобы помочь ей встать, и даже не обратил внимания на удивленный окрик Силача Джона. Он слышал только, как звала его Звездочка, как просила ей помочь.

— Я сейчас, Звездочка! — изо всех сил закричал Роуэн.

А пучина уже засасывала его, увлекая все глубже и глубже. Он никак не мог найти, куда поставить ногу. Нигде не было ни пяди твердой земли. Он уже утонул в болоте, которое казалось бесконечным. А Звездочка все звала и звала. Роуэна уже засосало по пояс, потом по грудь...

— Я держу его! Тянем!

Голос Силача Джона словно пробудил Роуэна от кошмара. Мощные руки ухватили его за подмышки и потянули из жижи, которая противно захлюпала в ответ. На подмогу Силачу Джону пришли Бронден и Вэл. Втроем они сумели вытащить его из болота, но тут же повалились на слизкую землю.

— Глупый мальчишка! Что за дурь у тебя в башке? — взорвалась Бронден.

— Звездочка! — Роуэн кричал, вырываясь из рук Силача Джона, плакал и бился на его грязной и мокрой груди. — Моя Звездочка... вон же она! Видите? Помогите ей, ну пожалуйста, помогите! Она же тонет! Она погибнет! Слышите?

— Здесь никого нет, Роуэн, — медленно и громко ответил Силач Джон. — Никого! Сам подумай, мальчик. Откуда она здесь возьмется? Такого не может быть!

Роуэн замолчал и медленно перевел глаза на то место, где была Звездочка. Болото лежало тихое и спокойное, а над ним, как и прежде, плавал туман. Мальчик потер глаза и, запинаясь, сказал:

— Она была ну совсем как настоящая...

— Ты... — задыхаясь от гнева, наклонилась над ним Бронден. — Настоящая, ненастоящая... ты что же, хочешь, чтобы мы все погибли из-за какой-то скотины? Чтобы мы не дошли до цели? Чья жизнь дороже — букшаха или человека? Как можно...

— Отвяжись от мальчишки, Бронден, — перебил ее Силач Джон. — Я понимаю, почему ты так говоришь. Но не все с этим согласны.

Гневно дыша, Бронден замолчала, и тут заговорила Марли:

— Слушайте-ка! Карта ведь предупреждала нас об этом. Помните:

Здесь все — не то, что видит взор:

Перемешались явь и сон.

Любимых плач умеи стерпеть...

Здесь точно есть какие-то злые силы, и они не желают нам ничего хорошего.

Ох! Роуэн испуганно опустил глаза, но карта была там же — за поясом. Пусть вся в грязи, но по ней можно было читать.



— Ну ты и придумала! — не выдержала Бронден. — Ты, Марли, видно, слишком много времени тратишь на своего дружка, а ведь он наполовину бродник. Чего слушать-то его басни? Ты дочь Рина и должна уметь рассуждать здраво, а не болтать всякую ерунду про злые силы.

С этими словами Бронден отвернулась от Марли.

Аллун и Силач Джон посмотрели друг на друга.

— Пошли дальше, — предложил Аллун. — И так много времени потеряли. И еще потеряем, потому что и Роуэну, и Джону надо будет просушить одежду.

— Глядите в оба, — предупредил всех Силач Джон. — Болото — место коварное. В следующий раз, может, и не повезет.

И они медленно пошли вперед, с трудом вытаскивая из топи ноги. Мгла становилась все гуще, запах гнили бил прямо в нос. Роуэн низко опустил голову. Ему было тяжело идти по жидкой грязи, которая облепила всю одежду и хлюпала в башмаках. Он никак не мог отделаться от мыслей о Звездочке. Глаз он не поднимал — ему не хотелось еще раз увидеть, как она беспомощно барахтается в болоте. Он все думал, за что это Бронден так на него рассердилась. Что она, не понимает, что ли...

Он не увидел, а скорее почувствовал, как Марли смахнула что-то сначала с лица, потом с плеч. Оглянувшись, она испуганно выдохнула:

— Меня кто-то трогает... Руки ледяные, по лицу, по спине...

— Тебе кажется, Марли, — начал было успокаивать ее Аллун. — Подожди-ка...

Он остановился, резко повернулся и посмотрел через плечо Силача Джона. Вслед за ним обернулись и все остальные, но никто ничего не увидел.

— Что такое... — Аллун широко открыл рот и вдруг пошел обратно мимо Силача Джона и Роуэна, пристально глядя в туман. — Как же так... Мама? Мама! Подожди!

Ноги его вязли в болотной грязи.

— Стой, Аллун! — крикнула Марли. — Там никого нет! Джон, держи его!

И тут она сама затрясла головой, провела ладонью по щекам, хлопнула себя по спине, словно отгоняя кого-то, и закричала:

— Не трогайте меня!

Бронден ушла далеко вперед и что-то кричала из тумана.

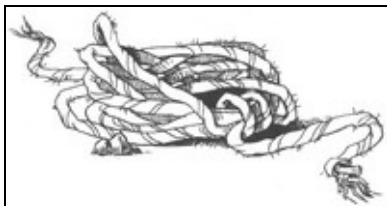
Силач Джон ухватил Аллуна за куртку и потянул его обратно. Аллун гневно оглянулся:

— Пусти меня, Джон! Это же моя мать, не слышишь, что ли? Она меня зовет. Она потерялась в этом болоте. Мне нужно ее найти.

Он начал вырываться из крепких рук Силача Джона и бить его кулаками по лицу.

— Хватит, Аллун, хватит! — кричал Силач Джон, тряся его изо всех сил. — Тебе почудилось! Показалось! Дома твоя мать! Дома, понял?!

— Что у вас там? — окликнула их Вэл, уйдя уже далеко вперед. — Что вы не идете? Ой, помогите! Эллис! Ой, Эллис! Марли! Джон! На помощь! Бронден... Бронден... Я не удержу ее! Скорее!



8. «...Веревкой кровь и плоть стянуть»



Марли и Роуэн побежали на голос Вэл. За ними поспешил Силач Джон, таща за собой Аллуна, который, хотя все еще продолжал сопротивляться, выглядел теперь скорее смущенно, чем сердито.

Вэл лежала в зарослях камыша, вся перепачканная грязью, и крепко держала Бронден. Та изо всех сил вырывалась. Молча, но упорно она протягивала руки к чему-то видимому только ей одной, а трясина тем временем засасывала ее.

— Ни с того ни с сего она вскрикнула и прыгнула прямо в болото, — задыхаясь, объясняла Вэл. — Я не могу ее вытянуть. Она меня совсем не слушает. Хотя бы Эллис был здесь! Я без него ничего не могу сообразить.

Марли вынула из своей сумки веревку.

— Держи меня, Роуэн! — скомандовала она и легла на землю рядом с Вэл.

Роуэн держал Марли за ноги и смотрел, как она изо всех сил старается дотянуться до Бронден. Марли подползала все ближе и ближе к трясине, и Роуэн тянулся за ней, пока сам не распластался на животе. Наконец Марли просунула руки под руки Вэл и ухитрилась обвязать Бронден веревкой. Вэл застонала — она держала Бронден уже очень долго, и сил у нее, видимо, больше не осталось.

— Роуэн, попробуй потянуть меня назад! — крикнула Марли. — Осилишь?

Роуэн старался, как только мог, но Марли была женщиной крупной, и его ноги только скользили по жиже. Он с ужасом понял, что Марли ему не удержать.

— Джон! — в отчаянии позвал мальчик. — Помоги Марли! Я не...

— Марли! — раздался голос сзади.

Две сильные ладони легли поверх его рук. Аллун крикнул: «Давай разом!» — И они вместе вытянули Марли, а потом Вэл на более сухое место.

После этого, объединив усилия, они сумели вытащить Бронден. Вэл без сил упала на траву. Болотная жижа словно звала свою жертву, и Бронден стонала, плакала и все пыталась отползти обратно к пучине, которая чуть не поглотила ее.

— Минна! — всхлипывала Бронден. — Минна, Минна, Минна!

— Кто это? — шепотом спросил Роуэн у Силача Джона. Он никак не мог вспомнить, где же он слышал это имя. — Кого там увидела Бронден?

Силач Джон покачал головой и грустно посмотрел на рыдающую женщину.

— Я уже забыл ее, — ответил он, — совсем забыл маленькую Минну, да вот Бронден напомнила мне о ней, когда раскричалась на тебя из-за букшаха. Я так думаю, что и Бронден ее почти не помнит — может, так, что-то смутное... Но тут такое место...

— Когда мы были ребятами, Роуэн, — начал объяснять Аллун, — а я еще только-только появился в Рине, у Бронден была подружка. Маленькая такая девчоночка. Минной ее звали, и она, как и ты, пасла букшахов. Тихая, пугливая, не то что Бронден — она-то с детства громогласная, задиристая, никого не боится. Но они никогда не разлучались. У Минны только и было что Бронден и букшахи. И Бронден ее тоже очень любила.

— Я помню Минну, — негромко сказала Марли. — И мама твоя тоже должна ее помнить. Когда она пропала, мы всю ночь искали ее — и взрослые, и ребята.

Бронден громко застонала и снизу вверх посмотрела на Вэл, которая склонилась над ней.

— Минна здесь, Вэл, — прохрипела она. — Я ее видела. Я слышала ее голос. Она трогала меня за лицо. Но знаешь, Вэл, — тут из ее глаз покатались слезы, — она так и осталась маленькой девочкой. Она совсем не выросла. Вон уже сколько лет она бродит здесь одна, совсем одна. Почему ты не пускаешь меня к ней?

Силач Джон опустил рядом с Бронден на колени.

— Минна умерла, Бронден, — сказал он, стараясь говорить как можно убедительнее. — В старой шахте нашли ее кости да останки теленка, которого она хотела спасти. Ну-ка, вспомни.

Роуэн замер. Минна была тихая и застенчивая, как и он. Минна погибла, спасая заблудившегося букшаха. Значит...

— Мы же не знаем, что там, с теленком, была Минна, — жалобно сказала Бронден. — Точно-то мы же не знаем! Я всегда думала...

Силач Джон тихонько поглаживал ее по голове, и было видно, как искренне он сочувствует ей.

— Минны больше нет, Бронден. Минна упокоилась в своей могиле. Это болото играет с тобой злые шутки, это оно хочет, чтобы ты потеряла опору под ногами. Оно уже чуть было не забрало с собой Роуэна и его Звездочку. Оно хотело взять у нас и Аллуна с его матерью.

— Не верю я в эти шутки, — в страхе оглянулась вокруг себя Бронден. — Но наверное, твоя правда, ведь не может же Минна так и остаться десятилетней девочкой. А все-таки я ее видела. И слышала. И чувствовала. — Она схватила за руку Силача Джона. — Джон! Не давай им меня трогать! Не разрешай мне их слушать! Я не могу больше этого выносить!

Она вскочила на ноги. Туман поплыл вокруг нее, и она замерла, точно испуганный зверь.

— Пошли, Бронден, — все так же спокойно позвал ее Силач Джон. — Пошли. — Он взял ее за руку.

— Нет! — Бронден стояла как вкопанная, и глаза ее расширились от ужаса. — Нет! Не могу!

— Надо, Бронден, надо!

— Нет!

Тяжело дыша, она вырвалась, круто развернулась и, закрывая ладонями глаза и уши, побежала обратно, туда, откуда они пришли.

— Бронден! — закричала Вэл. — Вернись!

Но Бронден не остановилась и вскоре скрылась из виду.

«Теперь нас пятеро», — подумал Роуэн.

— А-ах, пауки! — выдохнула Вэл, — Она не пройдет через Лес!

— У нее с собой ветки, которые она нарезала для факелов, — сказал Аллун. — Сейчас

она выберется отсюда и свяжет их в пучки, ведь к тому времени она перестанет бояться и сумеет собраться с духом. С этой стороны она сумеет поджечь «шелковую дверь» и спокойно пройдет сквозь нее. Она сильная. Она все сможет и вернется в деревню, как Эллис.

И тут Вэл забила дрожь и лицо ее посерело.

— Эллис не вернулся в Рин, — прошептала она. — Он ждет меня на опушке Леса. Я чувствую. Я знаю. Я всегда это знала. Мы никогда с ним не разлучались так надолго. Никогда, с самой колыбели. Я все время стараюсь не думать об этом, но теперь...

— Пошли, — решительно сказал Силач Джон. — Мы привяжем себя друг к другу. Теперь надо следить, чтобы еще кто-нибудь не убежал.

«...Веревкой кровь и плоть стянуть».

По грязному лицу Вэл покатались крупные слезы.

— Я дальше не пойду, — сказала она. — Я это поняла, когда удерживала Бронден и звала на помощь Эллиса. Простите меня, простите, пожалуйста! Не могу я, ну не могу я идти с вами! — Она закрыла лицо руками. — Вы не поймете! Вы будете плохо обо мне думать. Да я вас и не виню. Но я не могу идти одна. От меня осталась только половина. Эллис ждет. Я нужна ему, и я должна вернуться. — Она отвернулась. — Я тоже сделаю себе факел. Если пойду быстрее, то догоню Бронден. Вместе мы и вернемся в Рин.

Силач Джон, Аллун, Марли и Роуэн тихо смотрели, как она, склонив голову и не оглядываясь, уходит от них.

— И правда, — наконец сказала Марли, — от Вэл, когда ушел Эллис, осталась половина. Она храбро держалась, но все-таки не смогла без него. Непонятно... Оба они такие с виду сильные, казалось, что уж их-то ничто не может напугать.

«Четыре, — подумал Роуэн. — Как быстро осталось только четыре человека!»

— Гора свое дело знает, — сказал Силач Джон, точно читая его мысли. — А путь еще неблизкий.

Аллун слабо улыбнулся:

— Хорошо, что дальше пойдут настоящие друзья. Вперед! Пора!

— А ты, Аллун, пой, — добавила Марли. — Будешь отвлекать нас своим пением.

Все: Силач Джон, Роуэн, Аллун и Марли — выстроились друг за другом и обвязались веревкой Марли. Они медленно двинулись в путь, слушая песни Аллуна и не глядя ни влево, ни вправо, а только себе под ноги. Приятный голос хлебопека в тумане звучал как-то потерянно и жалко, и от этого пения никому не было радости.

— Хорошо, Аллун, что ты вовремя пришел в себя, а то бы я точно провалилась в болото и Роуэна утянула бы вслед за собой, — спустя какое-то время заметила Марли.

— Я услышал, как Роуэн зовет тебя на помощь, — тряхнув головой, ответил Аллун. — Я тогда словно проснулся.

Впереди раздался испуганный возглас Силача Джона. Он отступил назад и с трудом вытянул ногу из топкой трясины, которая обнаружилась под обманчиво твердой почвой.

— Тропинки на северо-запад больше нет, — сказал он. — Кто его знает, какая здесь глубина. Поищем-ка другой путь.

Но куда бы Силач Джон ни ступал, земля уходила у него из-под ног и его начинало засасывать болото.

— Что же нам делать? — испугался Роуэн.

— Карта предупредила нас: «Пусть дерево укажет путь», — медленно сказала Марли. — Мы-то с вами что подумали: это должен быть человек, который умеет не

обращать внимания на чувства других. — Марли немного помолчала и продолжила: — А слова эти, похоже, значат совсем другое — то, что они значат буквально. И помочь нам сейчас должно именно дерево.



Друзья решили делать то, что велела им карта. Они вернулись назад в Лес, нашли тонкое крепкое дерево и выстругали из него прямую длинную палку. Затем измерили ею рост Роуэна, который был самым маленьким, и сделали на палке зарубку по высоте его плеча. И эта палка, это дерево стало их проводником.

Силач Джон шел впереди, палкой замеряя глубину болота. Если под палкой чувствовалась твердая земля и топь не поднималась выше метки, все четверо делали шаг вперед. Когда же почти вся палка увязала в жидкой грязи, Джон снова и снова, пока не находил безопасного места, искал, куда можно сделать шаг.

Они шли и шли вперед, иной раз проваливаясь по грудь в липкую и зловонную грязь. Быстро двигаться не получалось. И все время вокруг стлался густой бело-желтый туман, мимо проносились какие-то видения, слышался невнятный шепот. Но они смотрели только вперед, не слушали криков и стонов, которые могли сбить их с толку, и крепко держались за веревку, которая соединяла их друг с другом.

Но вот болото стало таким глубоким, что куда бы Джон ни тыкал своей палкой, она вся уходила под воду. Тогда Аллун и Марли взвалили на спины ношу Силача Джона, а сам он посадил Роуэна себе на плечи. Они упрямо пробирались вперед, стараясь по возможности двигаться на северо-запад.

Вот наконец жижга под ногами стала гуще, появились островки земли, и всем стало ясно, что этот ужасный путь скоро закончится.

Шатаясь от усталости, они шли, оставляя позади болото, туман и скрюченные деревья с темной листвой, шли к земле, на которой растет зеленая трава. Там, впереди, их ждали воздух, напоенный свежими ароматами, и свет солнца.

Выйдя из болота, они без сил повалились на траву и заснули.



9. Дальше



Роуэн проснулся, весь дрожа. Небо над вершиной Горы, покрытой облаками, было оранжево-красным, воздух становился все холоднее. Силач Джон, Марли и Аллун еще спали, растянувшись рядом с ним на траве. Во сне все они, даже Силач Джон, выглядели моложе и как-то беззащитнее. Одежда на них, как и на Роуэне, так и не просохла и сильно пахла болотом. Лица и руки их были покрыты царапинами и грязью, а волосы слиплись от болотной грязи. Теперь эта маленькая группа совсем не напоминала тех храбрецов, что рано утром вышли из Рина. А еще Роуэн чувствовал, что его место среди них теперь особое.

Мальчик смотрел на троих спящих людей и с удивлением начинал понимать, как сильно, оказывается, он к ним успел привязаться. Хотя он и знал их с самого раннего детства, но всегда перед ними как-то робел. Теперь же он им доверял, ведь они не только смотрели за ним, но и почти признали его своим. Он с удивлением размышлял об этом.

Марли открыла глаза, сонно посмотрела вокруг, заметила на себе взгляд Роуэна и улыбнулась ему. Потом она села и начала пальцами разбирать свои грязные волосы.

— Пора всех будить, — сказала она. — И надо развести огонь. Похоже, мы здесь останемся на ночь.

Постепенно все проснулись и расселись вокруг пылающего костра, лакомясь поджаренным хлебом, растопленным сыром, подсушенными на солнце фруктами, медом, овсяными лепешками и густо-коричневым кофе, лучшим, какой только был у Соллы. Становилось темно и холодно. Луна зашла за облако и оттуда сияла своим белым светом на усыпанном звездами небе.

Во время ужина, сидя в ярком свете костра, Аллун, Марли и Силач Джон говорили о деревне, вспоминали истории былых времен, рассказывали всякие смешные случаи. Было похоже, будто они сидят у камина в доме Джиллер.

Роуэн внимательно слушал их и не переставал удивляться радостному настроению, царившему у костра. И вдруг понял: Бронден, Вэл и Эллиса не было больше с ними, и поэтому они все, а в первую очередь Аллун, чувствовали себя спокойнее. Он, как всегда, много болтал и шутил, но горькая складка у его губ куда-то исчезла. Иногда он умолкал и, казалось, был очень доволен, что можно просто сидеть и смотреть на огонь.

Роуэн однажды слышал, как его мать говорила о времени, когда все они были детьми. Еще тогда Джиллер и решила, что шутки и розыгрыши Аллуна — это оружие посильнее, чем железные мускулы Вэл и Эллиса или скверный характер Бронден. И хотя Аллун давно уже стал взрослым, Роуэн замечал, что это его оружие всегда наготове. Так было надо, потому что для некоторых жителей Рина — например, для тех троих, что сегодня ушли от них, —

Аллун никогда не был своим. Они никогда бы его не признали своим, как бы он того ни хотел, потому что его отец был бродником.

Глядя на худощавое и смуглое лицо Аллуна, освещенное пламенем костра, Роуэн подумал, что в нем живут два разных человека. Поэтому он всегда словно был настороже. Но здесь, сейчас, с верными друзьями, он был самым собой.

Роуэн слушал разговоры старших, и ему с ними было очень уютно. О Бронден, Вэл и Эллисе никто не вспоминал. Не смотрели они и на карту, которая сушилась у костра. Молчали о болоте, о пауках, о том пути, который их ждал впереди.

После ужина друзья начали связывать пучки из веток, которые резали вместе с Бронден, чтобы назавтра использовать их как факелы, а когда догорел костер и от него остались лишь красные угли, спустилась черная тьма и словно бы придавила их. Постепенно все замолчали. Роуэн поеживался: ему было неприятно чувствовать себя грязным. Они как могли просушили одежду, расчесали перепачканные волосы, но так и не смогли помыться. Воду во флягах они берегли для питья.

Роуэн многое бы отдал сейчас за то, чтобы подольше не вылезать из корыта с горячей водой. «Мама бы, наверное, улыбнулась, — подумал он. — Я вообще-то мыться не очень люблю». И вдруг его точно что-то кольнуло — так ему стало одиноко.

Да, Эллис, Бронден и Вэл уже почти дома. Они ни за что не останутся на ночь в Лесу. Они явятся в Рин, когда жители будут уже гасить огни и собираться на покой. Аннад, конечно, уже спит в той маленькой комнатке, которую она делит с братом. Джиллер сидит внизу, у огня. Может, читает или что-нибудь штопает. А может, думает о нем? Каково ей будет, когда она узнает, что эти трое вернулись?

Аллун взглянул на грустное лицо мальчика, наклонился к нему и, показывая на небо, прошептал:

— Подумать только! В Рине сейчас светит такая же луна.

— Одна конфетка осталась. Чего нести ее дальше? Возьми-ка, Роуэн, и съешь ее за нас, — сказала Марли, протягивая мальчику пакетик.

— Карта, наверное, уже высохла. Как ты думаешь, Роуэн? — почти в тот же миг обратился к нему Силач Джон.

Роуэн понял, что каждый по-своему старается его подбодрить.

Он застенчиво улыбнулся Аллуну, взял у Марли конфету, кивнул Силачу Джону и сказал: — Пойду посмотрю.

Он отковырнул с пергамента засохшую грязь и повел пальцем по тропинке, чтобы найти на карте то место, где они сейчас отдыхают. Оказалось, что около трети пути уже пройдено. Отсюда нужно будет снова повернуть на запад и дальше пойти вверх, до какого-то места, похожего на крутой утес, где почему-то обрывается красная линия. При мысли еще об одном страшном восхождении сердце у Роуэна ушло в пятки.

Он нашел на карте третье пустое место, где раньше белело пятно. В неверном свете костра он с трудом разобрал:

Иди, куда рука махнет,
Там, где детишек хоровод.
Когда, дыша, склонится лик,
В глаза заглянешь напрямик.
Лучи отметят — не свернуть —

От вечной тьмы к спасенью путь.

— Дети! — воскликнул Аллун. — Интересно, где же здесь могут быть люди? Ах, Марли, люди — это вода! Корыто с горячей водой, чтобы помыться. Мягкие постели. А еще миски с похлебкой!

— Похлебка похлебкой, но не забывай, что люди носят с собой оружие, и бойся незнакомцев, — сказала Марли. — Их может быть много, а нас — всего лишь горстка.

Силач Джон посмотрел на мрачную молчаливую Гору.

— Если здесь и живут люди, они хорошо спрятались, — сказал он. — Что ж, посмотрим. А сейчас отдыхаем. Выйдем завтра на заре. Если мы будем гостями, то лучше прийти пораньше.

Роуэн сильно устал, но, даже когда все пожелали друг другу спокойной ночи, он еще долго не засыпал. Силач Джон и Аллун, точно гусеницы, завернулись в свои одеяла, Марли просто натянула одеяло на себя. Роуэн подумал, что ночью будет очень холодно. Пока же от остывающего костра шло тепло — его угли тихо тлели. У Роуэна в голове все крутились слова карты. Он пугался, слова не давали ему заснуть, снова и снова вспоминалось: «...От вечной тьмы к спасенью путь... От вечной тьмы к спасенью путь».

* * *

Роуэн проснулся с тяжелой головой и услышал, как Марли засыпает угли землей, а Аллун что-то насвистывает. Было еще темно, но на краю неба уже брезжила заря, а птицы начали петь свои песни. Роуэн подумал о Звездочке и о других букшахах — сейчас Джиллер и Аннад поведут их на озерцо. Он представил себе, как недовольно фырчат звери, ведь там ничего не изменилось. Им, наверное, очень хочется пить. Сейчас они попробуют грязную бурую воду, помотают своими тяжелыми головами и начнут рыть копытами землю. И все время будут удивляться, куда это подевался Роуэн.

«Звездочка, мы постараемся быстрее прийти, — мысленно обратился к ней мальчик. Он закрыл глаза и снова и снова повторял про себя эти слова, как будто хотел, чтобы Звездочка его услышала. — Мы скоро будем на вершине Горы. Мы скоро найдем там воду...»

И тут глаза Роуэна расширились от ужаса при мысли о том, что завтра — ну послезавтра — они дойдут до вершины Горы. А там — Дракон. В сердце что-то екнуло, и его затошнило. С ним уже столько всего случилось, он такого уже натерпелся, что чуть было не забыл о самом ужасном. И вот теперь Роуэн вспомнил о нем. Он кое-что заметил: вставал новый день, занималась заря, а с Горы доносилось только щебетание птиц. Дракона опять не было слышно.

Роуэн не переставал об этом думать даже тогда, когда они двинулись в путь, на запад, и стали подниматься на Гору.

— Аллун, — тихо позвал он, — как ты думаешь, может, Дракон умер? А может, он здесь больше не живет?

— Надеюсь, очень надеюсь, — весело отозвался Аллун. — Знаешь, я поразмыслил и решил, что, пожалуй, я не хотел бы встретиться с ним.

— Утром я его не слышала, — добавила Марли.

— И вечером было тихо, — заметил Силач Джон и бросил быстрый взгляд на Роуэна. — Многие, конечно, говорят, что на Горе нет никакого Дракона, ведь его никто не видел. Мы же не знаем, правда ли то, что говорится в старинных легендах.

— Понятное дело, Бронден им не верит, — сказала Марли.

Похоже, все подумали об одном и том же. Бронден никогда ничему не верила, если только не видела это собственными глазами.

Силач Джон пошел чуть быстрее. Он снова нес мешок Роуэна, но, даже идя налегке, мальчик за ним еле поспевал. Скоро у него уже не осталось сил думать о чем-нибудь, кроме тропинки, что круто шла вверх. А Силач Джон, как нарочно, торопился.

Все четверо продрались сквозь густой кустарник, который рос в конце подъема. Вдруг Аллун изумленно вскрикнул, а Марли что-то тихо сказала.

Роуэн взглянул наверх. Перед ними, над верхушками деревьев, сверкая в лучах восходящего солнца, высилась крутая красно-золотая скала. Роуэн ахнул и в восхищении уставился на нее.

Эта картина была ему знакома — он видел ее много раз, когда на рассвете выводил букшахов на луг. Но тогда Гора казалась такой далекой. С большого расстояния можно было разглядеть только густую зелень, золотую полосу над ней и облако, скрывающее вершину Горы. А теперь Гора спускалась к нему прямо из облака — почти такая же гладкая и ровная, как стена мельницы в Рине.

Роуэну казалось, что он ни за что не одолеет ее. Это точно. Все поджилки у него тряслись, когда он смотрел вверх. Кусая губы, чтобы не расплакаться, он чувствовал, как в нем растет отчаяние. Этот далекий поход, эти трудности, что выпали им на пути, казалось, были напрасными — Гора, похоже, победила людей.

Видно, не только один Роуэн не мог бы взобраться на Гору. Чем ближе четверо путников подходили к ней, тем им становилось яснее, что никто не сможет этого сделать. Некуда было поставить ногу. Не за что зацепиться. Ни веточки, ни расщелины, ни камешка. Ничего...

— Пришли, — бросил Аллун.

— Похоже на то, — не стал спорить Силач Джон, внимательно, с прищуром разглядывая скалу.

— Не унывайте, — сказала Марли, вытирая капли пота со лба и дрожа всем телом. Воздух становился все холоднее — дул ледяной ветер. — Может, нам будет понятнее, куда идти, когда мы доберемся до подножия.

Невеселые Аллун и Силач Джон двинулись дальше. По их лицам Роуэн видел, что они не разделяют этих надежд.

Но когда через полчаса они выбрались из Леса и увидели то, что лежало у подножия Горы, они поняли, как права была Марли.

— Пещера! — сказал Силач Джон. Он остановился у входа, темневшего, точно открытая дверь в скале. — Какая глубокая! А может... Карту, Роуэн!

Роуэн развернул карту, и все встали вокруг него. Верно, красная линия круто шла вверх. Но не так круто, как скалы, поднимавшиеся к облакам.

— Здорово! — весело воскликнул Аллун. — Дорога легкая. И от непогоды можно укрыться! — Он обернулся к Марли. — Ну наконец-то нам везет!

Она заставила себя улыбнуться и сказать «да», но Роуэн заметил, что на лице ее не было радости.

Путники зажгли один из сделанных вчера вечером факелов. Он вспыхнул и загорелся ровным ярким пламенем. Марли встала впереди всех с факелом, и они вошли в пещеру.



Там их встретили резкие звуки и хлопанье тысяч кожаных крыльев. Это летучие мыши, разбуженные от дневного сна, посыпались с потолка и закружились вокруг них, тыкаясь им прямо в лицо.

С криком путники пригнули головы и попадали на песок, ладонями защищая глаза. Роуэн слышал, как его вопль смешался с голосами других. Казалось, прошло сто лет, пока противный писк не утих и испуганные твари не разлетелись. Марли, Силач Джон, Аллун и Роуэн, тяжело отдуваясь, как после долгого бега, медленно поднялись на ноги. Они посмотрели друг на Друга, и Аллун широко улыбнулся:

— Как вы думаете, кто трусил больше? Мы или летучие мыши?

Все облегченно рассмеялись, и смех эхом прокатился по пещере. Пламя факела замигало, отбрасывая неровные тени.

— Ой, смотрите! — воскликнул Роуэн.

В дальнем конце пещеры, под широкой дугой перехода, который, казалось, вел в другую пещеру, виднелась высокая скала, очень необычная на вид. Снизу она была уже, чем сверху, и оттуда, точно указующий палец, торчал узкий длинный камень.

Иди, куда рука махнет...

Итак, подняв факел повыше, путники прошли под аркой и отправились дальше, вглубь

Горы.



10. «...От вечной тьмы к спасенью путь»



Было темно, очень темно. И страшно холодно. Марли высоко держала факел, а Роуэн притих от изумления. Известковые наросты всех цветов радуги — сталактиты — блестя, словно сосульки, свисали с уходящего ввысь потолка. С пола навстречу им поднимались другие наросты — сталагмиты — самых невообразимых размеров и форм. Огромной пещере не было видно конца.

Силач Джон сделал еще шаг, посмотрел на компас и задумался.

— Стрелка не стоит на месте, — сказал он. — Что-то ей мешает.

— Железо в породе, наверное, — предположила Марли.

Факел бросил на ее лицо золотой отсвет. Она все время беспокойно переступала с ноги на ногу.

— Наверное. Да какая разница — главное, что компасу теперь нельзя слишком доверять. Но как же тогда нам выйти на тропу? В этом лабиринте очень легко заблудиться.

— «Иди, куда рука махнет,
Там, где детишек хоровод», —

сказал Роуэн. — Так написано на карте.

— Смелым должен быть ребенок, который отважится прийти сюда, — заметил Аллун.

Роуэн начал осматриваться, вставая на цыпочки и вытягивая шею, пока не увидел то, что хотел.

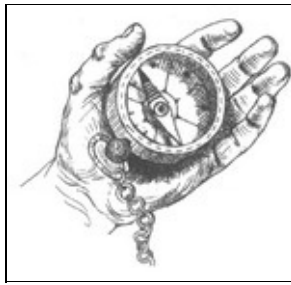
— Я думаю, может... — начал он нерешительно. Наверное, это было глупо. Но он не хотел, чтобы они сбились с пути или чтобы над ним посмеялись.

— Говори, Роуэн, — подбодрил его Силач Джон. — Если знаешь, что делать, не время сейчас держать язык за зубами.

— Может... Может, это камни, — запинаясь, начал объяснять Роуэн и показал рукой: — Вон те камни, поменьше. Вон там. Между ними какой-то проход наподобие тропки. А на вид они...

— Точно!

Аллун взял факел из рук Марли и повел их вперед. И правда несколько камней непривычного вида, похожие на хоровод ребятишек, чуть вырисовывались в темноте. Между ними вилась сухая песчаная тропинка.



— Вот, значит, как обозначен наш путь, — довольно сказал Силач Джон и убрал компас в карман. — А теперь...

— Теперь:

Когда, дыша, склонится лик,
В глаза заглянешь напрямик, —

рассмеялся Аллун.

Он повел их по тропинке, освещая факелом путь. Оглянувшись, Роуэн увидел, как пещера пропадает в темноте. «...От вечной тьмы к спасенью путь», — вспомнил он.

Путники шли вверх, все время вверх. Теперь они были уже в самом чреве Горы. Роуэн старался не думать о том, сколько камня и земли окружает их, давит сверху, отбирает воздух и свет. Если бы они потерялись здесь, их бы ни за что не нашли. Они бродили бы в бесконечной тьме, пока не погибли, и тогда Гора стала бы их могилой. Роуэн гнал от себя эти мысли, но ему становилось все страшнее и страшнее — ныл живот, кололо сердце, трудно было дышать.

Они поднимались все выше, проходя одну пещеру за другой. Скалы, словно застывшие в камне дети, вели свою бесконечную игру по сторонам тропинки. Из-за крутого подъема путники почти не разговаривали. Молчание было густое, точно темнота. Роуэн слышал лишь треск факела, собственное дыхание, пыхтение Марли за спиной, стук башмаков Силача Джона.

— Снова пещера!

Голос Аллуна отразился от стен, которых им не было видно. Они услышали, как он прошел вперед. Свет его факела постепенно исчез.

— Лицо! — вдруг воскликнул он и повторил растерянно: — Лицо...

— Что такое, Аллун? — крикнула Марли, пробираясь вслед за ним. — Отвечай! Аллун, посвети нам! Ничего не видно!

— Лицо, — ответил он, но голос его звучал так, точно он задыхался. — Здесь. Идите сюда. Только потихоньку.

Свет факела появился снова, и они осторожно двинулись вперед. Аллун стоял перед большой расщелиной в скале. Не улыбаясь, он светил в нее факелом.

— Смотрите сами, — сказал он. — Осторожней, говорю.

Через расщелину они протиснулись в следующую пещеру. Множество желтых и белых сталактитов свисало с потолка, зато видневшийся внизу черный блестящий пол был гладким, точно стекло. Перед ними в дальнем конце пещеры возвышалась каменная стена. Из самой ее середины выступал камень. Камень этот был похож на лицо, обращенное вниз. Они разглядели очертания крупного носа, припухшие щеки, щель рта, широкие скулы. Из сверкающих глаз на пол падали лучи света.

Лучи отметят — не свернуть —
От вечной тьмы к спасенью путь...

Кто-то непонятный дышал, свистел, сопел.

— Оно дышит, — прошептала Марли. — Оно дышит, как об этом сказано в стихотворении.

— Отверстия глаз ведут на свежий воздух, наружу! — воскликнул Силач Джон. — Это мы слышим, как свищет ветер! Мы уже очень высоко. Наверное, скоро будет конец пути.

— Похоже, мой путь закончится здесь, — сказал Аллун все тем же странным голосом.

Он прижался спиной к стене пещеры и под взглядами других вдруг заскользил вниз и опустился на пол.

— Аллун, вставай! — велела ему Марли. — Что это с тобой вдруг?

— Если б знал, ни за что бы не пошел, — слабым голосом отозвался Аллун. — Да и кто мог об этом знать? Кто бы подумал, что такое вообще может быть?

Он потер глаза руками и затряс головой.

— Аллун, что это ты? Вставай! Надо идти! — сердито обратился к нему Силач Джон и, досадуя, отвернулся.

Но тут из-под его башмака вылетел камешек и упал на зеркальный черный пол. Послышался плеск, и камешек куда-то исчез. По тихой гладкой поверхности, которая раньше всем казалась твердой, пошли широкие круги.

— Это вода, — пояснил Аллун. — В пещере вода. А раз она холодная и черная и дна не видно, значит, здесь глубоко.

— Так что теперь? — нетерпеливо отозвалась Марли. — Наплевать, что она холодная, — поплывем.

— Дорогая моя, — поднял брови Аллун, — понимаешь, я плаваю как топор.

— Что? — раздался общий изумленный возглас.

— Да-да, — подтвердил Аллун, — бродники своих детей этому не учат. Вот водяные люди — те да, умеют. Они ведь, можно сказать, живут в Море, и даже руки и ноги у них с перепонками, чтобы лучше на воде держаться. Бродникам много воды ни к чему — ну разве фляжка одна.

— Но мы-то в Рине все учимся плавать! — горячо ответил Роуэн. — А учат нас на Море или на Реке.

Он вспомнил эти уроки и запнулся. Да, он научился-таки плавать. Но нельзя сказать, чтобы это занятие ему сильно нравилось. Аллун горько улыбнулся:

— Да, в Рине на это по-другому смотрят. Конечно, здесь ты должен уметь все, чтобы не считаться хилым. Даже если живешь далеко от берега, даже если до воды надо идти целый день и целую ночь, даже если плаваешь только раз в году, а то и раз за всю жизнь, все равно ты должен это уметь. А еще надо лазить по горам, бороться, бегать — да мало ли что! В Рине думают, что это очень важно.

— А как же! — воскликнула Марли. — Человек должен быть готов к любой неожиданности, что встретится ему на пути. Вот как раз тот случай, Аллун! — повернулась она к нему в отчаянии. — Ладно, в детстве тебя не научили плавать. Зря, конечно. Так почему же ты не стал учиться, когда поселился в Рине?

Аллун удивленно взглянул на нее:

— Да ты смеешься, что ли? Как будто мало надо мной издевались! Кто я был? Тощий босоногий мальчишка-бродник. Да я и понятия не имел о ваших деревенских правилах! Попробуй вытерпи насмешки других, когда тебе всего десять лет! Правда, Роуэн?

Роуэн только молча кивнул в ответ. Значит, он был прав. Значит, Аллун знал, каково ему приходится.

Марли взяла Аллуна за руку:

— Я тебя понимаю, Аллун. Но ведь можно было попросить кого-нибудь, и тебя бы научили...

Он резко возразил:

— Ничего ты не понимаешь! Что, мне надо было делать из себя шута горохового, чтобы эти драчуны под Школьным Деревом поняли, что я слабее? Втайне от всех я учиться никак не мог. В Рине всего и воды-то что речка да озерцо, из которого пьют букшахи. Получается, мне надо было барахтаться там с трехлетними малявками! Представляю, как бы потешался надо мной Эллис. — Он передернулся и соорудил уморительное лицо. — Ну понятно — время шло и начинать учиться становилось все труднее, — поостыв, продолжил он. — И в один прекрасный день я стал тем, чего и представить себе невозможно: взрослым жителем Рина, который не умеет плавать. — Он улыбнулся. — Разницы, конечно, не было никакой. Не было до... до сегодняшнего дня.

Силач Джон покачал головой:

— Надо что-то придумать, — начал он. — Вот, к примеру...

— Джон, да пойми же ты наконец. Не умею я плавать. Не у-ме-ю, — твердо проговорил Аллун. — Так что подумай. Ты будешь тащить меня, словно подбитую утку, за одно крыло? Вода-то ледяная. Тебе бы самому в ней не утонуть, а ты еще будешь меня держать, чтобы я не пошел ко дну. Веревку на тот берег тоже нельзя протянуть. Так что выбрось ты это из головы.

— Вот, значит, почему ты никогда не едешь с нами к Морю по рыночным дням, — задумчиво сказал Силач Джон. — А я-то удивлялся...

— Зато теперь не будешь, — с улыбкой ответил Аллун и отвернулся.

Марли закусила губу.

— Обратно ты один не дойдешь, Аллун, — решительно сказала она. — Без друзей в болоте любой запросто погибнет.

— Я и об этом подумал, — ответил Аллун, тщательно соскребая со своей куртки засохшую грязь, как будто дела важнее сейчас не было. — Перед входом в пещеру я построю шалаш и в нем буду ждать, когда вы вернетесь. — Он горько усмехнулся. — Надо же, я хотел стать героем Рина. Хотел показать, на что способен человек, который наполовину бродник. Кто бы подумал, что меня остановит такая ерунда? Что из-за своей дурацкой гордости я покидаю друзей в беде? — Он не смотрел на Силача Джона. — Много бы я дал, чтобы это было не так. Простите меня.

Семь сердец в дорогу идут,
Семь смертей их стерегут.

Силач Джон протянул ему руку:

— Чего тут прощать, дружище? Жди нас. Если найдешь подходящие деревья, сделай

пока побольше факелов. Они нам на обратном пути очень пригодятся.



Тут он отвернулся от Роуэна и заговорил тише, но все равно мальчик слышал каждое слово:

— Аллун, если через три дня нас не будет, нечего тебе здесь сидеть. Как хочешь, но вернись обратно в Рин. К тем, кто нас любит. Пусть лучше они узнают страшную правду, чем будут жить в неведении. Договорились?

— Договорились, — ответил Аллун и пожал руку Силачу Джону.

— Ну тогда пошли, — сказала Марли. В глазах ее стояли слезы. Она крепко обняла Аллуна и шепнула: — Мы скоро вернемся. Береги себя.

— Ты тоже, Марли.

И вот Силач Джон, Роуэн и Марли сняли башмаки и верхнюю одежду. Трясаясь от холода, они вошли в воду и поплыли.

Вода действительно была ледяная. Такая ледяная, что у Роуэна внутри все сжалось и он сразу же окоченел, да еще и глотнул воды, которая оказалась неприятно-кислой на вкус. Они плыли боком, точно крабы, следуя за лучом света. Можно было грести только правой рукой — в левой каждый держал мешки со своей одеждой, хотя, как они ни старались, они все же слегка намокли.

Какие-то непонятные создания прикасались то к рукам, то к ногам Роуэна. Он стискивал от ужаса зубы, но упрямо продолжал грести, хотя с каждым разом ему становилось все тяжелее. Скоро он начал терять силы, но все же двигался дальше, потому что утонуть в этой спокойной черной воде и никогда больше не увидеть ни солнца, ни света было еще страшнее.

И вот его рука наткнулась на камень, и он с облегчением понял, что уже можно встать. Роуэн огляделся. Прямо над ним нависало каменное лицо. Марли уже выбралась на берег, тяжело дыша и отряхиваясь. За ней оказался на берегу и Силач Джон. Они обернулись и окликнули Аллуна, который беспокойно ходил взад-вперед на том берегу. В темноте их не было видно, но Аллун высоко поднял факел и помахал им в знак того, что он слышит их. Теперь он знал, что они благополучно доплыли.

Марли наклонилась и подала Роуэну руку, чтобы он мог выбраться из воды. От холода зубы его так стучали, что он не мог говорить. Чтобы согреться, он начал прыгать на месте. Руки Марли почти не слушались ее, но она все-таки развязала мешок Роуэна и вынула из него сухие вещи, чтобы он мог переодеться.

— Снимай все мокрое и надевай вот это, пока совсем не околел, — велела она. — Чуть намокли, конечно, но все лучше, чем так.

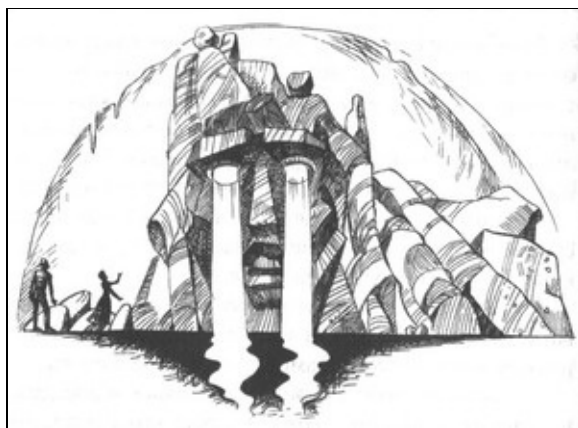
Роуэн знал, что он ни за что не станет переодеваться перед Марли. Он уже даже перед мамой не раздевался и поэтому замер в нерешительности.

— Да ладно тебе, Роуэн! — удивляясь и досадуя, воскликнула Марли, держа в руках его одежду. — Тебе грозили огромные пауки, ты чуть не утонул в болоте, сейчас чуть было не замерз, а теперь вдруг стесняешься раздеться передо мной! Не смешно ли?

— Не смешно, Марли, — раздался сзади голос Силача Джона. — Я его прекрасно понимаю. Есть такие вещи, которых мужчина просто не может делать. Лучше отвернись. Тогда и Роуэн перестанет стесняться, и согреемся все мы быстрее.



11. Западня



Факелы совсем отсырели, но один им удалось зажечь. Карте ничего не сделалось, потому что Роуэн туго скрутил ее и спрятал среди одежды. Сейчас он развернул ее и положил на колени, а Силач Джон и Марли присели рядом.

Красная линия, кружа, поднималась выше и выше. А на пустом месте, как Роуэн и ожидал, появилось новое стихотворение:

Направо? Налево? Куда ни свернешь,
Ты сердце от боли не убережешь.
Один — ловушка, другой — проход,
Один заманит, другой спасет.
Иди туда, где меркнет свет,
Лишь там откроется верный ответ.

Они взглянули вверх, на каменное лицо. Все так же на воду из пустых глазниц падали лучи света, но теперь, когда они оказались совсем близко, стало видно, что эти проходы куда-то вели. Но куда? В котором из них начинается путь к вершине Горы? Роуэн опять посмотрел на карту. Там не было никакого знака, который указал бы на этот двойной проход.

— Ладно, проверим оба, а там решим, — сказал Силач Джон.

Но когда они взобрались по камням на самый верх и заглянули в пустые глазницы, оказалось, что никакой разницы между двумя туннелями не было. Стены и того и другого покрывал странный бело-голубой лишайник, который светился в темноте. Правда, левый туннель вроде бы был пошире и повыше правого. Из того и другого вырывался хриплый свистящий звук.

— Что такое «один — ловушка, другой — проход»? — недовольно сказала Марли. — Они же одинаковые!

— Там сказано, что нам надо выбрать тот, где скроется свет, — ответил Роуэн. — Может, проверить, в каком факел начнет мигать и потухнет совсем?

Марли убрала со лба мокрые волосы.

— Правильно, — поддержал его Силач Джон. — Сначала попробуем правый проход.

Они подняли факел выше, посигналили Аллуну и дождались, пока он ответит, перед тем как в одиночестве отправиться назад, к выходу из пещеры. После этого они вошли в

правый туннель. Ход сразу резко повернул, потом еще, и вскоре Роуэн перестал понимать, где он находится.

Он мог идти не сгибаясь, а вот Марли и Джону пришлось наклоняться, потому что свод был очень низким. Они медленно пробирались вперед, спотыкаясь о камни, но пламя факела горело все так же ярко. И вдруг туннель сузился до небольшого лаза, через который едва можно было проползти.

— Понятно, — вздохнула Марли. — Вот она — западня. Пошли назад, посмотрим, что там слева. Чего же еще можно ждать от Шебы?

В левый туннель зайти оказалось проще. Сначала он был шире и прямее, чем правый, да и под ногами были не камни, а песок. Но и здесь пламя факела ярко светило. Они шли дальше, поворачивали, поворачивали и все больше удивлялись: раньше карта их никогда не подводила.

Звук, похожий на вздох, становился громче. Теперь он прямо свистел в ушах. И Роуэн почувствовал, что запахло чем-то тухлым.

Сначала он подумал, что это ему почудилось. Это мог быть запах от светящегося лишайника на стенах. Он потер его рукой и понюхал. Ничего подобного. Ему показалось, что лишайник ничем не пахнет.

Силач Джон шел впереди, но вот он начал замедлять шаги и наконец на каком-то повороте совсем остановился.

— Что встал, Джон? — нетерпеливо крикнула Марли. — Чем быстрее мы пойдем, тем раньше выберемся отсюда!

— Туннель круто спускается вниз, — ответил Силач Джон. — Стены гладкие, зацепиться не за что, а под ногами песок — не очень-то устоишь.

— Мне здесь не нравится, — тихо сказал Роуэн. — Какой-то этот туннель подозрительный, и пахнет тут странно. По-моему, ловушка именно он.

Страх медленно заполз к нему в грудь.

— Ерунда, — возразила Марли. — Другой дороги здесь нет. В правом туннеле мы попали в тупик.

— Не совсем, — обернувшись к ней, ответил Силач Джон. — Там можно проползти. Пусть путь будет трудный, но, наверное, это он и есть. Роуэн прав. Здесь прямо разит смертью.

— Что вы придумываете?! — задыхаясь, крикнула Марли и протиснулась мимо Роуэна.

Она вырвала горящий факел у Силача Джона, решительно двинулась вперед, оступилась и упала, не успев сделать и пары шагов. Факел выпал из ее рук и куда-то покатился. Катился он, правда, недолго, потому что вскоре полетел вниз. Оказалось, что в конце туннеля зияет огромный провал. Марли вскрикнула от ужаса, а факел летел и летел вниз, пока наконец глухо не стукнулся о камни.

Силач Джон и Роуэн помогли встать Марли, которая никак не могла подняться на ноги, и скорей побежали вон из левого туннеля. Сердца их бешено колотились при мысли о том, какой участи им едва удалось избежать. Еще шаг — и они полетели бы навстречу смерти, которая неминуемо поджидала их там, на дне провала. Миновав последний поворот, они без сил рухнули прямо у выхода.

Марли трясло. «Простите, простите», — все повторяла она.

Роуэн тоже весь дрожал. Даже у Силача Джона был измученный вид, но он заставил себя подняться.

— Как сказал бы Аллун, давайте посмотрим на светлую сторону, — сказал Джон, с трудом улыбаясь. — По крайней мере, теперь ясно, что правый проход — это и есть наш путь. Да, туннель там совсем узкий, но если мы не возьмем с собой вещи, а положим в карманы только самое нужное, то, пожалуй, мы его одолеем. Надо ползти — поползем. И будем уповать на то, что это недолго.

У Роуэна перехватило дыхание, только он вспомнил об этом даже не в туннеле — норе, которой заканчивался правый проход. Было страшно лезть в нее — никто ведь не знал, куда она ведет и сколько им придется терпеть эту муку. Красная линия на карте тянулась далеко, очень далеко. Но он молчал. Ведь этот левый путь на самом деле чуть не оказался ловушкой. Они едва не погибли. Чтобы добраться до вершины Горы, надо ползти. Ну что ж, раз надо — значит надо.

Они зажгли еще один факел и перешли к правому проходу. За резким поворотом прямо у входа они перестали видеть блестящую гладь подземного озера, и тут Роуэн понял, что значат слова «Иди туда, где меркнет свет...», и громко ахнул. Речь шла не о факеле, как они подумали, а о свете, отраженном от вод, который здесь был не виден, но зато сиял в конце прямого и удобного левого туннеля. Они снова не так поняли слова стихотворения:

Иди туда, где меркнет свет,
Лишь там откроется верный ответ.

Это же и есть подсказка! А они ничего не заметили.

Дойдя до места, где туннель начал сужаться, Силач Джон, Марли и Роуэн открыли свои мешки и сумки, переложили в карманы самое нужное и обвязались веревкой. Даже так Силач Джон и Марли еле помещались в узком лазе, а это значило, что ползти придется только вперед, во всяком случае до тех пор, пока туннель вновь не расширится.

— Перекусим, пожалуй, — предложил Силач Джон, доставая еду. — Кто знает, когда в следующий раз придется поесть...

Роуэн присел на корточки, отломил себе хлеба и сыра и начал жевать. Пустой желудок сводило от страха и от противной воды из черного озера. Он подумал, что первый раз в жизни ест без всякого аппетита.

Марли согнулась над своей сумкой и часто-часто задышала. Джон предложил ей поесть, но она отказалась. Роуэн подумал, не заболела ли она. Как только они вошли в пещеры, она стала на себя не похожа — разве только держалась, когда они переплывали озеро. А теперь, точно, с ней что-то было не так. На лбу градом выступил пот, и она то принималась кусать губы, то терла себе виски.

— Марли, — негромко окликнул ее Силач Джон.

Она вроде бы успокоилась, но все не поднимала головы.

— Марли, — сказал он снова, — это из-за лаза, так ведь? Лаз узкий, и ты волнуешься?

— Ничего я не волнуюсь, — неестественно громко ответила Марли, стараясь не встречаться глазами с Силачом Джоном.

— Марли, мы ведь, когда пойдем, вернуться уже не сможем, — продолжал Джон. — Если ты чувствуешь, что тебе это не по силам, оставайся лучше здесь. Как только мы вошли в пещеру, тебе стало не по себе. Это было заметно. Ты боишься замкнутых пространств.

— Вовсе нет! — упрямо повторила Марли, но уже тихо.

Подняв голову, она посмотрела Силачу Джону прямо в глаза. От страха и волнения ее всю трясло, но она сказала:

— Я готова. Пошли.

Марли первой подошла к лазу и опустилась на землю. Медленно, очень медленно она начала продвигаться внутрь. Они видели, как исчезают ее лицо, плечи, тело, ноги и, наконец, ступни. Ее страх был так силен, что они чувствовали его, словно живое существо. Но сейчас можно было только ждать. Впрочем, ждать им и не пришлось. Почти сразу Марли начала биться о камни и звать на помощь. Силач Джон и Роуэн вытащили ее из удушливого плена и как могли попытались утешить.

— Я думала, что все-таки сумею, — всхлипывала она. — Я была уверена, что на этот раз, для такого важного дела, не испугаюсь. Но страх сильнее меня, Джон. Он побеждает всегда.

Она спрятала лицо в ладонях.



— Ладно, ладно, Марли, успокойся, — старался ободрить ее Джон.

— Мне любое закрытое место не нравится, — шепотом продолжала Марли. — Но если нельзя ни голову поднять, ни плечи распрямить, ни руками подвигать, — для меня это все равно что не дышать. Я из-за этого даже в одеяло как следует не заворачиваюсь.

Она подняла голову и вздохнула.

— Я это вчера вечером заметил, — с улыбкой сказал Силач Джон. — Еще подумал: «Не холодно ей, что ли?»

— Да я чуть не замерзла! — слабо улыбнулась в ответ Марли. — Джон, ну прости... А Роуэн? Как нам теперь быть?

— Делать то, что надо, — просто ответил Силач Джон. — Я пойду дальше. У тебя с собой есть компас, а у Роуэна — карта. Вы вернетесь к Аллуну и все вместе пойдете обратно в деревню. Смотрите не сбейтесь с пути, и помните...

Взволнованная Марли перебила его:

— Как же ты пойдешь один, Джон? Ты же не сможешь!

— Придется, Марли. Ты же понимаешь — надо.

— Нет уж! — услышал Роуэн свой голос, эхом отразившийся от стен пещеры. Он почувствовал, как запылали у него щеки. — Ты не отправишь меня домой. Я несу карту, а она ведь тебе нужна. На ней еще осталось два пустых пятна. Значит, появятся еще два

стихотворения, которые подскажут нам, что делать дальше. Ты, Силач Джон, должен их прочитать. Ты должен взять меня с собой.

— Не спорь, Роуэн, — попросил Силач Джон.

— Обратно я не пойду! — крикнул Роуэн. — Ты меня не заставишь.

Он подбежал ко входу в лаз и сел перед ним.

— Я все равно должен нести для тебя карту! А еще я должен найти воду для букшахов! Я им обещал, — сказал он, стараясь не расплакаться.

Силач Джон беспомощно смотрел на него, не зная, что делать.

Марли усмехнулась:

— Нашла коса на камень. — Она с любопытством взглянула на Роуэна. — Ну надо же!

Поколебавшись, Силач Джон сдался:

— Ладно. Будь что будет, как и сказала Шеба. — Он опустил свою большую ладонь на плечо Марли. — До свидания, Марли. Счастливо тебе дойти. Не забывай о том, что мы узнали по дороге. Сейчас опасности будут тебе не так страшны — ты ведь к ним готова. У тебя получится. Передай Аллуну, что все мы встретимся в Рине. — Сделав два шага, он подошел к Роуэну. — Пошли, мальчишка-зайчишка, пока кто-нибудь из нас не передумал. Ты первый.

— Осторожнее! — крикнула им вслед Марли. — Осторожнее, Джон! Осторожнее, Роуэн!

Ее голос эхом прокатился по пещере, а потом повисла тишина.

«Ну вот, — подумал Роуэн, — теперь нас двое».



12. Самый смелый



Роуэн полз вперед, крепко зажмурив глаза. Ему казалось, что лучше так, чем видеть впереди черную пустоту, откуда слышатся непонятные вздохи. Его руки были в ссадинах и порезах. Ноги ныли от усталости. Было слышно, как сзади кряхтит Силач Джон, еле протискивая свои широкие плечи через каменный лаз. Оба они давно уже молчали.

Узкий туннель кружил и кружил, и конца ему не было. Они то ползли, то отдыхали, то ползли, то отдыхали, а этот кошмар все не кончался. Пару раз, задремав, они тут же просыпались и в темноте испуганно звали друг друга. Спать нельзя. Если они уснут, могут остаться в Горе навеки. Было совсем непонятно, сколько они уже здесь. Неизвестно, что сейчас — день или ночь. Ясно было только одно: они не спускались, а поднимались, двигаясь все время наверх.

Семь сердец в дорогу идут,
Семь смертей их стерегут.

Слова Шебы снова всплыли в памяти Роуэна. Гора испытала их уже пять раз. После пяти разных препятствий пять храбрых сердец, стыдясь своей слабости, повернули назад. Эллис, Бронден, Вэл, Аллун, Марли ушли. Остались только они с Силачом Джоном. Два сердца, которые должны одолеть Гору.

Лаз еще больше сузился, и мальчик оказался у очередного поворота. С ужасом он слушал, как башмаки и куртка Джона скрипят по камню, как он задыхается, продвигаясь вперед, как затихает, неподвижно лежа, чтобы собраться с силами. Джон даже не мог дотянуться до фляжек — ни до своей, ни до фляжки Роуэна, — чтобы попить. Он уже выбился из сил. И Роуэн тоже. Если на их пути окажется препятствие — камень или что-нибудь еще, — это будет конец. Роуэн точно знал, что сдвинуть его он не сможет. Снова, уже в который раз на этом пути, ему стало страшно, и он еле совладал с собой. Он сильнее зажмурил глаза и несколько раз глубоко вдохнул. Почему-то это помогало.

Становилось легче и когда вспоминалась Звездочка. Роуэн проползал поворот и думал о ней — самом мирном и приветливом существе, которое он знал. Он представлял, как вечером они вместе пойдут к озеру на водопой: он будет трепать ее по загривку, и в лицо ему будет дуть прохладный ветер. Страх прошел. Картинка, которую он воображал, становилась все ярче. Он увидел озеро, из которого пили букшахи, и склоненную к воде голову Звездочки. Ему чудился запах исхоженной травы и садовых цветов. Казалось, повеяло прохладой. В темноте он улыбнулся. Не может быть... Нет, точно, откуда-то дул ветер. Как будто...

Роуэн широко открыл глаза и увидел вдали свет, а прохладный — нет, холодный и даже

ледяной — ветер засвистел ему прямо в лицо.

— Джон! — закричал мальчик. — Мы доползли! Я вижу свет!

И он, насколько мог, быстрее двинулся вперед, забыв об окровавленных руках и ногах, которые от усталости его почти не слушались, вперед, откуда дул этот ледяной ветер и откуда струился свет. А за ним, собрав последние силы, полз Силач Джон.

Прошло несколько мучительных минут, и вот они упали на пол небольшой пещеры, из которой вел ход на свежий воздух. Было морозно. Снаружи завывал ветер и лился белый лунный свет.

— Пить, — еле выговорил Силач Джон потрескавшимися губами.

Роуэн поднес фляжку ко рту Силача Джона и, взглянув на него, очень испугался. Камни во многих местах прорвали его одежду, покрыв кожу ссадинами и порезами. Лицо было землисто-серым, глаза не открывались. Крупная дрожь сотрясала все его тело.

В угол пещеры ветер нанес сухих листьев и веток. Роуэн сгреб их в кучу, нашел у Силача Джона огниво и сумел развести огонь. Костер разгорался плохо, валил дым, но все-таки стало чуть теплее.

Силач Джон не двигался. Роуэн терпеливо ждал, в страхе сжав кулаки. Немного спустя лицо Силача порозовело, он зашевелился и открыл глаза.

— Мы теперь выше облаков, Роуэн, — еле слышно сказал он. — По-моему, мы пробыли под землей ночь, день и еще немного. Сейчас, если все в порядке, Аллун и Марли уже должны быть в Рине. А мы с тобой почти на месте. Карта...

Роуэн развернул свиток. Ведя пальцем по линии, которая обозначала их тропу, он заметил, что действительно она уходит под самое небо.

— Мы почти на самом верху, — медленно сказал Силач Джон. — А где-то здесь рядом, совсем близко, должна быть еще одна пещера или что-то вроде нее. Очень большая и очень глубокая. Красная линия кончается перед ней... — Он помолчал, взглянул на пустое место на карте и слабо спросил: — А стихотворение? Ну-ка прочти, что там говорится.

И Роуэн прочел, хоть его руки так дрожали, что он еле держал карту.

В драконьей берлоге встречались всегда
Пламя и воздух, земля и вода.
Шесть храбрых сердец не прошли испытанья,
Теперь одному остается задание.
Слова, что ты помнишь, нельзя забывать,
Коль хочешь судьбу до конца испытать.

— Так, значит... — сказал Силач Джон и снова прикрыл глаза.

— Джон, карта ведь говорит неправду! — воскликнул Роуэн. — Нас же двое! Двое!

Силач Джон облизнул губы:

— Нет, Роуэн. Я — больше не могу. Оставишь меня здесь и на заре двинешься в путь один. Как и предсказывала Шеба.

Он отвернулся.

Вот оно:

Когда надежде придет конец,
Одно из семи уцелеет сердец.

Огонь мигнул в последний раз, и стало темно.

«Когда надежде придет конец...»

— Джон! — в ужасе закричал Роуэн и принялся трясти его за плечи, да так, что Силач заворочался и застонал. — Джон, не спи! Здесь так холодно! У тебя сил не осталось! Ты замерзнешь! Ты пропадешь! Джон, ну вставай!

Джон не отвечал. Роуэн разрыдался и от бессилия затопал ногами:

— Я один не дойду! Ты же знаешь, я один не дойду! Шеба этого не говорила! Она сказала, что только самый смелый это сумеет. Так она сказала. А ведь я не самый смелый! Я всего боюсь! Мне так страшно!

Бледные губы Силача Джона шевельнулись.

— Правильно, мальчишка-зайчишка. Ты всего боишься. Ты боялся, но лез в Гору. Ты боялся, но храбро встречал на ней все опасности. Ты боялся, но шел вперед. Это и есть смелость, Роуэн. Только дуракам не страшно. Шеба-то это знала. Она заранее знала и это, и все остальное.

Роуэн молча смотрел на него и мало-помалу успокаивался. Он понял, что ему надо делать.

— Поспи, — прошептал он. — Я о тебе позабочусь.

Роуэн пробрался к выходу, набрал побольше снега и начал делать стену, чтобы загородить вход, оставив лишь небольшое отверстие наверху для свежего воздуха. Он долго возился, и руки его совсем заledenели, но все-таки он добился своего.

Силач Джон лежал на боку рядом с углями от костра. В пещере стало немного теплее, но этого все равно было недостаточно, чтобы согреться. Шатаясь от усталости, Роуэн подтащил к углям несколько камней, а сверху положил два факела, которые они с Силачом Джоном принесли с собой, и зажег их. Пламя сначала ярко запылало, потом стало гореть ровно. Он лег рядом с Силачом Джоном и прижался к нему, чтобы его согреть.

Скоро факелы нагреют воздух. Потом нагреются камни и очень долго после того, как погаснет огонь, будут держать тепло.

Куда ни свернешь,
Ты сердце от боли не убережешь...

Нет, эта строчка была совсем неправильной. Сердце у Роуэна билось ровно, и боли никакой не было. Если им с Силачом Джоном повезет, они доживут до рассвета. А там будет видно.

Роуэн закрыл глаза и наконец уснул.

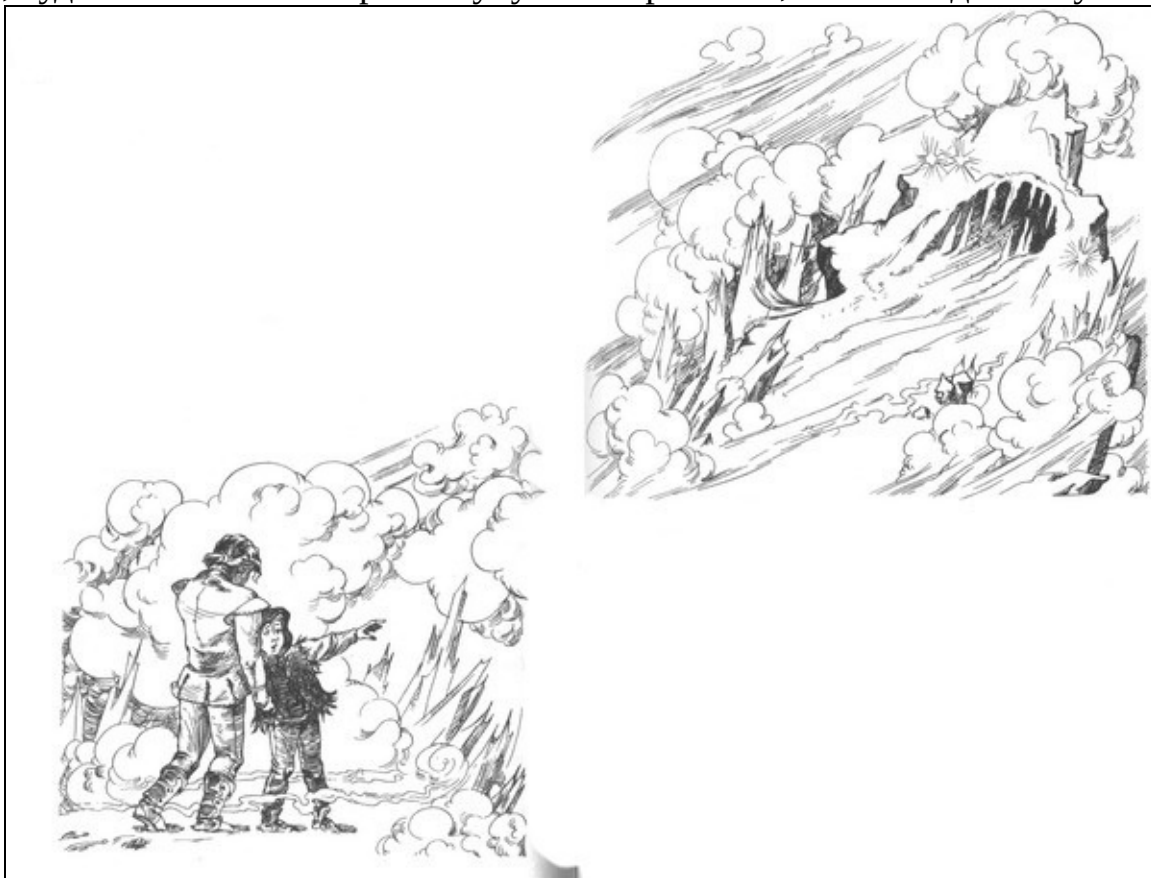
Сон его был глубоким, без сновидений, и когда он проснулся, то подумал, что спал совсем недолго. Но тут он заметил бледный свет, пробивающийся сквозь отверстие в снежной стене, и прислушался к тишине. На заре ветра совсем не было.

Роуэн сел и, замирая от страха, посмотрел на Силача Джона. Тот был теплым и дышал.

Роуэн тихонько потряс его за плечо и прошептал:

— Джон! Джо-он! Вставай. Утро уже. Нам с тобой надо идти.

Силач Джон оперся о плечо Роуэна, и они медленно двинулись дальше. То и дело в башмаки попадал снег, а под ногами хрустели и потрескивали лужицы, покрытые голубоватым льдом. То и дело тропинку пересекали следы животных, которые, наверное, выходили на ночную охоту, но путники так никого и не увидели. Только раз Роуэну почудилось, будто из какой-то норы высунулся острый нос, но это видение тут же исчезло.



Вокруг плавали густые облака. Сверху, в небольшом просвете, виднелось розовое небо. Роуэн подумал, что, наверное, в Рине сейчас хорошая погода, и даже оглянулся, хотя разглядеть, понятное дело, ничего не мог. Рин был далеко внизу, и сейчас его закрывали облака. Он пощупал лежащий в кармане компас Силача Джона и карту за поясом. «Значит, я не пропаду, я найду дорогу назад, — пообещал он сам себе. — Чего бы это ни стоило, я все равно приведу Силача Джона обратно в Рин. Я снова увижу маму, Звездочку, озеро, из которого букшахи пьют воду на заре. Обязательно!»

Роуэн внимательно вглядывался в большое облако. Силач Джон быстро и тяжело дышал, но старался не отставать. Он крепче ухватился за плечо Роуэна и шел, не жалуясь. Роуэн жалел его про себя и восхищался тем, какой все-таки Силач Джон сильный.

— Джон, ну как, держишься? — спросил он, изо всех сил стараясь, чтобы голос его звучал бодро. — Вот уже почти и пришли.

И тут он вздрогнул, потому что теми же словами Силач Джон подбадривал его в тот день, когда они вышли из Рина. Роуэн замер. Значит, тогда у Силача Джона душа болела за него так же, как у него за Джона теперь? Точно так же? Значит, все это время он плохо думал о нем?

— Роуэн! — Силач Джон сильнее сжал его плечо. — Что это там?..



За камнями, покрытыми снегом, в облаке что-то виднелось. С краев это что-то — огромное, высокое и широкое — белело, а в середине ослепительно сверкало. Сверху было только небо.

— Мы наверху, — выдохнул Роуэн. — Но ведь...

Они медленно подошли поближе, и сразу все стало ясно. На самой вершине Горы оказалась пещера из камня, снега и льда. Ее стены поднимались высоко к небесам и сияли на солнце, точно ледяной огонь. Между ними и входом в пещеру расстился ковер из пушистого белого снега.

Роуэн стоял и молча смотрел на пещеру. Было оглушительно тихо. Ни одного следа не отпечаталось на толстом слое снега. За целый день — а может, и не один — здесь никто не прошел.

Вместе с Силачом Джоном они взобрались по скалам, подошли к пещере и осторожно заглянули в нее. Белизна! Ничего, кроме сверкающей белизны и глубоких синих теней. С потолка над входом свешивались огромные сосульки. Навстречу им с пола поднимались толстые ледяные столбы. Все замело снегом. Белизна ослепила их, поэтому они двинулись вперед очень осторожно.

Роуэн обернулся, чтобы проверить, как там Силач Джон, и увидел, что тот с ужасом смотрит через его плечо...

Под ногами дрогнула земля. Снег полетел в разные стороны, и огромный мощный хвост, точно ударом хлыста, опрокинул Роуэна на спину и прижал к стене Силача Джона. Вопя от ужаса, Роуэн увидел, как в глубине пещеры что-то ожило, открылись кроваво-красные глаза, и непонятное существо набросилось на него, стряхивая снег и лед со своей сверкающей белой чешуи и обнажив свои хищные зубы. Да, это был огромный древний Дракон.



13. Ответ



Роуэн громко кричал, ожидая, что горячее дыхание вот-вот сожжет его дотла, а клыки и когти задерут насмерть. Но ничего такого не произошло. В страхе он открыл глаза. Дракон был рядом. Он внимательно рассматривал мальчика. Плоские змеиные глаза с вызовом уставились прямо на него.

— Джон, — не оглядываясь, тихонько позвал Роуэн. — Джон, ты где?

— Я здесь, — услышал он в ответ. — Эта тварь прижала меня хвостом прямо к стене. Я даже двинуться не могу. Спасайся сам, если можешь, Роуэн.

Дракон заворчал. Сначала он повернул голову на голос Силача Джона, потом перевел взгляд обратно на Роуэна. Его огромное тело качнулось, и он задел когтями место на своей шее, где на ранах, которым был уже не один день, запеклась кровь. В красных глазах Дракона пылала ярость и то, что Роуэн сразу узнал, хотя и очень удивился: это была боль, тупая животная боль.

Он медленно поднялся на ноги, стараясь не отводить глаз от глаз чудовища, и спокойно, точно букшаха, спросил Дракона:

— Что у тебя болит?

Дракон пригнул голову и раскрыл пасть. Откуда-то из самой его утробы вырвался стон. С зубов, острых точно иглы, на снег — прямо под ноги Роуэну — падали капли крови. Неприятный запах горячего дыхания обжег лицо мальчика. Он отшатнулся, но Дракон не собирался на него нападать.

— Роуэн! — прошептал Силач Джон, — Отступи потихоньку назад и беги отсюда. У тебя есть карта и компас. Ты доберешься домой. Время еще есть. Скорей!

Роуэн почти ничего не расслышал. Он заметил, что шея Дракона испачкана в глине. И тут он ясно понял то, о чем только смутно догадывался. Он оглянулся. В пещере не было ни костей, ни мяса. Ничего.

— А ты, наверное, проголодался, — спокойно продолжал он, точно говорил со Звездочкой. — Ты ведь давно не охотился. Но тогда почему у тебя пасть вся в крови?

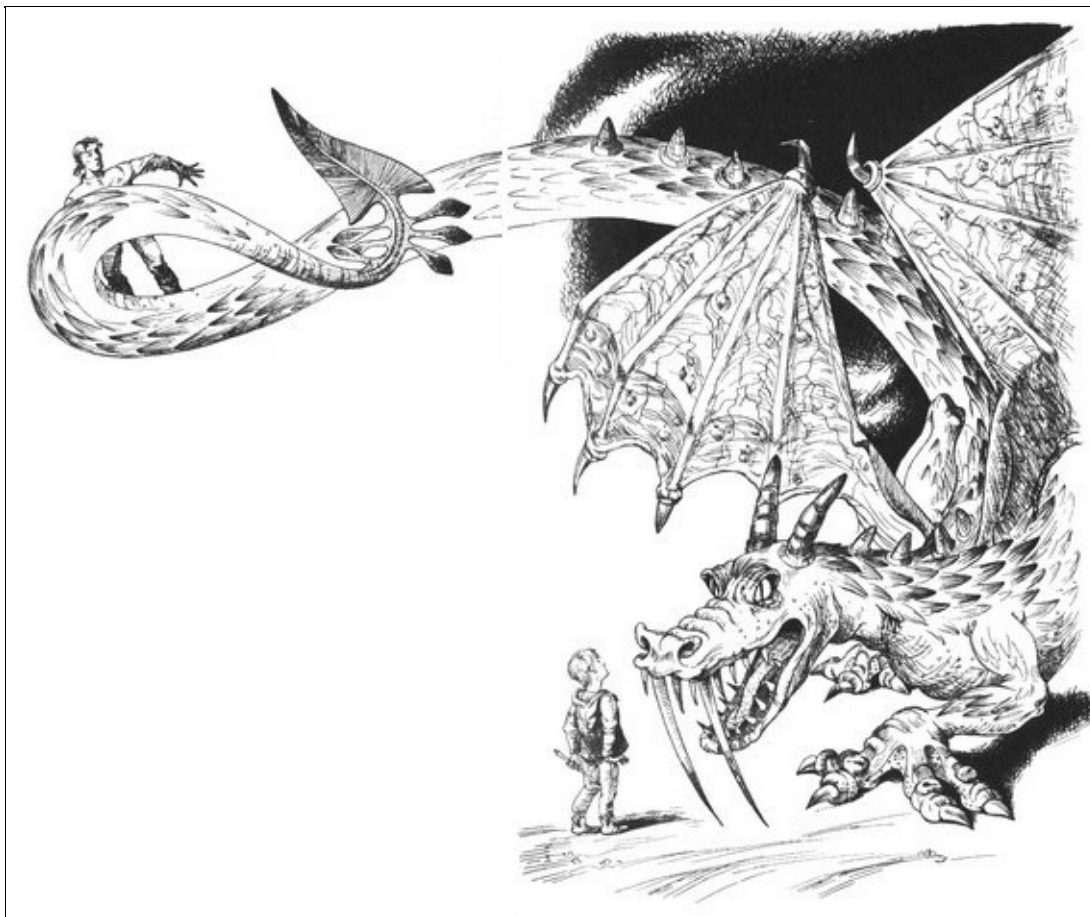
Он посмотрел Дракону прямо в глаза. Давным-давно в другом месте другие глаза точно так же смотрели на него. Только бы эта тварь его не слопала... Он решился и сказал:

— Мне кажется, я знаю, что с тобой. Я могу тебе помочь. Я друг, понял? Я твой друг.

Дракон не мигая уставился на него.

— Не шевелись, — велел ему Роуэн.

Он подошел ближе, заглянул в красную пасть и потихоньку стал забираться в нее все глубже и глубже, пока не нащупал то, что искал.



Ключ к разгадке тайны скрыт внутри Драконьей пасти!

Это была острая белая кость. Она впиалась ему прямо в глотку, за задним рядом зубов Дракона. Когда-то давно Звездочка точно так же подавилась прутиком. Тогда Роуэн сумел его вынуть. Значит, и сейчас он сможет вынуть эту кость.

Он очень осторожно дотронулся до нее, зная, как невыносимо больно сейчас этому жуткому созданию. Дракон сердито заворчал. Одно неосторожное движение, и его челюсти захлопнутся, точно капкан. Медленно, очень медленно Роуэн тянул кость на себя и, когда она почти совсем вышла, несильно дернул ее. Потом он вылез из пасти Дракона и, сжимая кость в руке, начал осторожно отступать к тому месту, где был зажат Силач Джон.

— Вот, видел? — сказал он Дракону. — Давай отпускай нас. Ты теперь здоровый. Ты снова можешь охотиться. А мы...

В глазах Дракона зажегся огонек. Он поднялся на задние лапы и хлопнул белыми перепончатыми крыльями. Та жуткая боль, что много дней не давала ему рычать и изрыгать пламя, куда-то ушла. Из-за нее он не мог охотиться, у него даже не было сил летать высоко в небесах над своим облачным царством. Теперь у него ничего не болело, и он почувствовал, как сильно ему захотелось есть.

Громовой раскат рыка эхом отразился от стен пещеры. С потолка посыпались сосульки, разбиваясь о пол, под ногами снова содрогнулась земля. Дракон зарычал еще раз, из его ноздрей и из пасти вырвались столбы пламени и растопили снег и лед, да так, что от воды пошел пар и смешался с пламенем и удушливым дымом.

Дракон повернулся к Силачу Джону. Голод прямо-таки терзал его. Он не хотел нападать на мальчика, который только что вылечил его своими умелыми руками. А вот взрослый мужчина — это совсем другое дело.

— Стой! — что было сил крикнул Роуэн и побежал туда, где его ждал Силач Джон. Он

скользил и падал на льду, покрывавшем пол пещеры, но успел подбежать к беспомощному Силачу и закрыть его своим телом.

Дракон все извивался и рычал. От его движений Силача Джона еще сильнее прижимало к каменной стене, и он закричал от боли. Роуэн выхватил свой нож и воткнул его в хвост Дракона, но лезвие ножа не прошло через плотную белую чешую, а только согнулось и сломалось. У мальчика ничего не вышло, но Дракон пришел в ярость и начал изрыгать столбы пламени, опалив волосы и брови Роуэна.

Они с Силачом Джоном крепко прижались друг к другу.

— Роуэн, послушай меня, — простонал Силач Джон. — Он хочет тебя отпугнуть. Ему нужен только я. Уходи, пока можно, если не ради себя, так ради своей матери. Роуэн, я ей обещал. Я тебя очень прошу. Ну!

Но Роуэн не собирался отступать. Он хотел сделать так, чтобы Дракон пошевелил хвостом и Силач Джон сумел высвободиться и убежать. Надо было торопиться, а то это чудище совсем потеряет терпение, и тогда уж им обоим будет несдобровать. Но у него не осталось никакого оружия, вообще ничего, кроме карты и компаса.

— Что же мне делать? — крикнул он. — Я не знаю, что же мне теперь делать! — В голове у него мелькнула строка: «Слова, что ты помнишь, нельзя забывать...» — Что за слова? Ну что за слова? — растерянно произнес Роуэн.

— Карта, — раздался у него за спиной слабый голос Джона. — Посмотри на карту, Роуэн...

Согнувшись в три погибели, Роуэн вынул из-за пояса карту и развернул ее.

«Слова, что ты помнишь, нельзя забывать...»

Последнее оставшееся на карте пустое место оказалось заполненным. Строкиплыли перед глазами. И слова эти он знал, это точно. Когда он их впервые услышал, то содрогнулся от ужаса, а потом они долго снились ему и долго не выходили из головы.

Семь сердец в дорогу идут,
Семь смертей их стерегут.
Когда надежде придет конец,
Одно из семи уцелеет сердец.
И лишь храбрейший дальше пойдет,
Когда поймет, что, уснув, — умрет.
Разинет страх зубастую пасть,
Тебе же нужно пред ним не пасть:
Преодолевшему смертную тень
Ответ будет ясен, как светлый день.
Потом о доме родном забудь,
И только тогда завершишь свой путь.

Сбылись все предсказания, кроме последнего. А последнее было самое страшное. Но теперь, кажется, настало и его время.

Роуэн туго скатал карту и достал компас Силача Джона, ожидая подходящего момента...

«Потом о доме родном забудь...» Да, без карты и компаса вряд ли они сумеют пересечь туманное болото и вернуться в деревню...



Дракон повернул голову и снова яростно зарычал. Его белая шея, которую он сам себе расцарапал, когда пробовал вытащить косточку и избавиться от своих мучений, сейчас была совершенно беззащитной.

Роуэн примерился и метнул компасом в это уязвимое место. Компас ударил сильно, точно камень, и Дракон зарычал еще страшнее, заметался от боли и ярости, замотал головой из стороны в сторону и поднял наконец хвост, которым он прижимал Силача Джона.

Все это длилось какой-то миг, но Роуэн успел вытянуть Силача Джона и, спотыкаясь на ледяном полу, увлек его к выходу из пещеры. Затем, на мгновение приостановившись, Роуэн швырнул свернутую карту, как палку, прямо в голую шею. Дракон издал злобный вопль и схватил карту зубами, отвлекшись от Роуэна и Силача Джона на несколько драгоценных секунд.

Этих секунд для Роуэна и Силача Джона оказалось достаточно, чтобы выбраться из пещеры. Теперь надо было куда-то спрятаться, затаиться и переждать, чтобы спастись от ярости Дракона.

Потом о доме родном забудь,
И только тогда завершишь свой путь.

Да, путь завершился. Они ничего не нашли на Горе, и дорогу домой им тоже не отыскать. Они проиграли. «Мамочка... Звездочка...» — всхлипывал Роуэн. Сердце у него разрывалось от горя, но он бежал.

Снег перед входом в пещеру совсем растаял от пламени, что изрыгал Дракон, и теперь перед ними была большая лужа, в которой плавали льдинки. Роуэн и Силач Джон скользили, падали, с трудом поднимались и бежали дальше.

Глаза Дракона горели красным светом, клубы дыма, пламени, словно от тысячи печей, вырывались у него из ноздрей и рта, обжигали храбрецам ноги, превращали лед в кипяток и горячий пар. Роуэн и Силач Джон катились, ползли, убегали по тающему льду, едва успевая уворачиваться от языков пламени.

И тут послышался какой-то хруст, и лед у них под ногами пошел трещинами. Лед, что образовался за много дней, пока Дракон был нездоров, теперь от жаркого пламени начал таять. Прохладная вкусная вода показалась над ледяной коркой и устремилась в подземное русло, через которое она когда-то текла с вершины Горы. Поток неожиданно подхватил Роуэна и Силача Джона и понес их, точно щепки. В одно мгновение они очутились под землей. Дракона больше не было видно. Но не было видно и неба. Вода тянула их за собой, и они не могли сопротивляться ей.



Вокруг были только темнота, гладкие, точно стеклянные, скалы, ледяная вода и оглушительный грохот. Роуэн схватил Силача Джона за руку. Он наконец понял, что случилось. Они открыли секрет потока. Вода все прибывала и увлекала их за собой. Они освободили ее из ледяного плена. Теперь она свободно потечет дальше, по длинному крутому руслу, по которому она всегда стекала с Горы. И она возьмет их с собой и понесет все ниже и ниже — прямо в Рин.

* * *

Вэл и Эллис проснулись перед рассветом оттого, что кто-то тихо стучался к ним на мельницу. Они открыли дверь и увидели грязных, оборванных Марли и Аллуна, которые от усталости еле держались на ногах. Брат и сестра провели их к себе, промыли им раны, напоили и накормили. Только после этого они выслушали рассказ о страшном пути назад — через топкое болото, затянутое туманом, Лес с пауками, скалы и крутые утесы — к подножию Горы. Все четверо озабоченно переглянулись, подумав о том, что могло произойти в пещерах, на самом верху Горы.

— Храбрый был Джон, — сказала наконец Вэл.

— Что ты хоронишь-то его?! — воскликнул Аллун, возмущенно оттолкнув свою чашку.

— Все равно это скоро случится, — упрямо продолжила Вэл. — Вместе с ним и Рин можно будет хоронить. Он на Горе совсем один. Что он там делает? А в живых он точно не останется.

— Он не один, — возразила Марли, — с ним Роуэн.

Вэл и Эллис посмотрели на нее как на сумасшедшую.

— Да на что Джону этот заморыш? — бросила Вэл. — Рядом с ним должен быть кто-то смелый, храбрый и...

— С ним было пятеро смелых и храбрых, — подняв голову и глядя Вэл прямо в глаза, ответил Аллун. — Ну и что? Где он и где они?

Марли закрыла лицо руками.

Наконец заговорил Эллис:

— Скоро рассветет. Надо пойти к Джиллер. Она сейчас должна быть с букшахами либо у озерца, либо на лугу. Придется рассказать ей, что случилось.

У всех четверых покинувших мельницу было тяжело на душе. Когда они добрались до пересохшего озера, небо на востоке стало розовато-золотистым. Джиллер, туго повязав голову платком, уже стояла там вместе с Аннад. Она смотрела на Гору, дрожа от ледяного ветра, потом обернулась и увидела их. Грусть на ее лице сменилась ужасом, и она вскрикнула:

— Аллун! Марли! Что случилось? Где Роуэн? Где Роуэн?

И в этот момент на Горе зарычал Дракон, и рев его пронесся по округе, точно раскаты грома.

* * *

Звездочка подняла голову и замычала, призывая Джиллер и Аннад. Девочка ее не слышала. Она обнимала за шею новорожденного теленка Зорьки и успокаивала его как могла, потому что тот весь задрожал, услышав рев Дракона. А Джиллер, под красными глазами которой залегли глубокие тени, застыла рядом с Аллуном и Марли. Она слышала только этот ужасный звук, раздававшийся с высокой Горы, и видела только отблески пламени в небе над облаками.

Вэл и Эллис молча стояли поодаль, рядом с ними были Бронден и другие жители Рина. Все прибежали сюда, потому что слышали знакомые раскаты.

Но вот повисла гнетущая тишина, и это оказалось еще страшнее.

На Звездочку никто не обращал внимания. Она отошла от пересохшего озера и двинулась вверх, по сухому руслу Реки. Она не знала, зачем ей это надо. Она только понимала, что обязательно должна идти, и идти быстрее. На ее пути оказался забор. Грудью Звездочка легко повалила его и пошла дальше. Она слышала голос Джиллер и еще чей-то голос, но не оглядывалась назад. Крики стали сильнее. И тогда, спотыкаясь о камни, она побежала.

— Звездочка! Стой! Куда? — кричали ей.

Звездочке показалось, что Джиллер заплакала, и она слышала, как за ней устремились несколько человек. Она побежала быстрее. Под ногами у нее бурело русло высохшей Реки. Копыта мяли комья земли, траву и цветы по бывшим берегам.

Впереди, на другой стороне Реки, стояла мельница — высокое каменное строение и большое деревянное колесо, которое молчало уже много дней.

Но вот... Звездочка повела ушами. Ей что-то послышалось. Сначала тихо, потом все громче и громче зашумела вода. Вода! Пересохшее горло Звездочки уже давно жаждало ее. И

еще она услышала голос. Знакомый голос звал ее:

— Звездочка! Звездочка! Звездочка!

Она откликнулась и поспешила вперед, дальше по сухому руслу, на звук воды. Он шел со стороны мельницы, оттуда, где со скрипом закрутилось мельничное колесо. Вода, да какая вкусная! Звездочка широко раздула ноздри, вдыхая долгожданный запах. Еще не видя воды, Звездочка знала, что она дотекла уже до мельницы, а значит, вот-вот дотечет и до нее, а потом побежит дальше, в Рин.

Звездочка радостно встретила идущую на нее волну. Мотая головой, она двинулась ей навстречу, не обращая внимания на палки и камни, которые больно били ее по ногам, и борясь с желанием остановиться и как следует напиться воды. Она спешила к мельнице. И, громко замычав от счастья, добежала до нее и ткнулась прямо в ладонь мальчика, который держался за какую-то сваю.

Она наклонила шею, чтобы ему было легче затащить на ее широкую спину своего взрослого товарища, и почувствовала, как ее обняли чьи-то руки. Медленно и осторожно она перешла бурный поток и выбралась на другой берег, не оглядываясь на мельницу и большое колесо, которое медленно крутилось, ломая сухие ветки и палки, застрявшие в его лопастях. Звездочка отряхнулась от воды и почувствовала, как рука Роуэна поглаживает ее шерсть. Она услышала его голос.

Он, как всегда, разговаривал с ней. И еще с тем мужчиной, которого она держала на спине.

— Ну вот и все... Мы живы... Мы дома...

* * *

Роуэн поглубже запустил пальцы в мягкую, шелковистую шерсть Звездочки. «Дома», — повторил он еще раз, точно пробуя слово на вкус. Он ничего не соображал. Все произошло слишком стремительно. Они много дней и ночей поднимались из Рина к логову Дракона. А путь назад, это ужасное плавание в подземной реке, продолжался всего несколько минут.

Роуэн не мог поверить, что он здесь, в мирной долине, что под ногами у него расстилается зеленая трава, а в лицо дует свежий утренний ветер. Стало страшно — вдруг это сон, и он крепко зажмурил глаза, потому что ему вдруг показалось, будто он снова на Горе, где нет ничего, кроме огня, льда, ужаса и отчаяния. Но когда он открыл их снова, перед ним зеленели луга Рина, рядом стояла Звездочка, а невдалеке журчала Река. Значит, это правда. Значит, они дома. Значит, они целы. Вода вернулась в Рин. А вместе с ней домой вернулись и они.

— Роуэн! Роуэн! — донесся голос издалека.

Роуэн оглянулся. Кто-то бежал ему навстречу по берегу реки. Это была его мать, она летела, раскинув руки, и звала его. За ней едва поспевала Аннад, а уже за ней спешила целая толпа ринцев. Было похоже, что его встречала вся деревня. Когда люди подошли поближе, он расслышал радостные крики, шутки и смех. Но у мальчика все плыло перед глазами, и лиц было не различить. Он видел только свою мать — она подбежала и крепко обняла его, так, будто больше никогда и никуда не собиралась его отпускать.

Роуэн прижался к ней, слушая, как она снова и снова повторяет ему ласковые слова. Он почувствовал, как ей стало легко и радостно оттого, что вернулся сын, которого она уже не

чаяла увидеть, и только сейчас осознал, как сильно она его любит. И тут, точно снег под весенним солнцем, в душе мальчишки растаяла старая боль и бесследно испарилась.

Вместе с матерью они сняли с букшаха Силача Джона и опустились рядом с ним на колени.

— По-моему, он ногу сломал, — тихо сказал Роуэн. — Ему очень больно. Но он живой!

Силач Джон открыл глаза и увидел два склоненных над ним взволнованных лица. Они были такие разные и все же такие похожие. Он хотел что-то сказать, попробовал приподняться, но со стоном рухнул на землю.

— Джон, не шевелись, — велела ему Джиллер. — И молчи. Ничего не надо говорить.

Джон облизнул сухие губы.

— Нет, надо, — сказал он. Роуэн заметил, что каждое слово давалось Силачу с огромным трудом, но он упрямо продолжал: — Я должен сказать тебе кое-что, Джиллер. Помнишь, я обещал, что приведу домой Роуэна целым и невредимым. А вышло, что Роуэн привел домой меня. Он заставлял меня идти, хоть я был готов упасть и умереть. Ради меня он терпел холод и многие опасности, хотя мог бы спасти одного себя, ради меня он один на один встретился с Драконом.

Роуэн сидел на траве и одной рукой держался за мать, а другую положил на плечо Силачу Джону. Он не слышал гула толпы. Он не видел лиц людей, которые в изумлении слушали Силача Джона. Ему же все было видно. Собравшись с силами, он заговорил громче:

— Скажите спасибо Роуэну за то, что по Рину снова течет вода. Он не испугался. Он ни разу не пал духом. Самый маленький и слабый из нас оказался самым храбрым и сильным. Своим спасением Рин обязан ему.

Было тихо. Только где-то на дереве чирикала маленькая птичка. И вдруг тишина взорвалась криками. Роуэн обернулся и замер. Громко смеялись и весело хлопали друг друга по спинам все еще перепачканные грязью Аллун и Марли, била в ладоши Бронден, недоуменно смотрели друг на друга Эллис и Вэл. Широко улыбался горшечник Нил, седовласая Ланн, рядом с ними стояли садовники Хана и Бри и учитель Тимон, и все радостно повторяли: «Пастушок Роуэн! Пастушок Роуэн! Роуэн из Рина!»

Силач Джон улыбнулся.

— Мальчишка-зайчишка, — прошептал он и обрадовался, увидев, как Роуэн расхохотался.

Звездочка тихо отошла в сторону и двинулась к берегу Реки, теперь до краев полной холодной чистой водой. Она прислушалась. Из деревни доносились радостные голоса. Вода лилась в озеро, из которого пили букшахи.

Стадо в безопасности. Роуэн жив. Река продолжает свой бег.

Все в порядке. Звездочка нагнулась к воде и начала жадно пить.



Примечания

Перевод стихов А. Егорушкиной.